

Мистер Марвел

В ПОГОНЕ за призраком

На пиратских
широтах

На пиратских широтах

Питер Марвел

В погоне за призраком

«Лепта Книга»

2013

УДК 821.111-311.3Марвел
ББК 84(4Вел=432.1)-445.5

Марвел П.

В погоне за призраком / П. Марвел — «Лепта Книга»,
2013 — (На пиратских широтах)

В конце 16 века стало ясно, что великим европейским державам слишком тесно на континенте. Тогда-то и началась настоящая война за метрополии в Атлантике. Волей судьбы Карибские острова оказались на пути «дороги золота и пряностей» и стали приютом для негодяев всего мира: пиратов, корсаров, рейдеров и флибустьеров. Однажды юный англичанин Уильм Харт понял, что он хочет испытать Фортуну. Он нанимается в Вест-Индскую компанию и отправляется на далекий Барбадос, не подозревая о том, что отныне его жизнь прочно связана с интересами великих королей, гениальных шпионов и страшных пиратов Карибского моря.

УДК 821.111-311.3Марвел
ББК 84(4Вел=432.1)-445.5

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	25
Глава 4	39
Глава 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Питер Марвел

В погоне за призраком

*Что наша жизнь? Игра страстей,
Разноголосица понятий.
Утроба матери моей —
Уборная для перемены платья.
За ней – подмости. Лишь один
Жестокосердый зритель – Небо
Следит за сменой картин,
Ошибок не прощая слепо.
И вот уж холод гробовой
Нас прячет от тепла и света,
Как занавес упал, так над землей
Заходит солнце. Песня спета.
Жить – значит пьесу лишь играть,
К обители бредя последней,
Всерьёз нам только умирать,
И это – шутки драгоценней.*

***Сэр Уолтер Рэли, капитан гвардии Ее Величества королевы Англии
Елизаветы I Пер. Д. Болотиной***

*Жану де Габриэлю, хозяину заведения «Таверна Питера Питта»,
вдохновившему меня своим ромом и побасенками на создание этой книги,
посвящается.*

Питер Марвел

Все совпадения не случайны.
Питер Марвел

*Смеяться разрешается. Вы можете смеяться. Но если вы любите
плакать – то плачьте. Потому что если вы не будете плакать и
смеяться, то плакали ваши денежки...*

Из какой-то пьесы

Глава 1

Начало пути

Плимут. Атлантический океан

Уильям Харт никогда не представлял себе, что его может так тошнить.

Уже полдня он болтался на баке по правому борту, перегнувшись через отполированный руками планшир, и перед глазами его то ухало вниз, то вздымалось вверх маслянистое тело океана. Солнечные блики яростно плясали в слезящихся глазах, в висках ломило от нестерпимой боли, словно некий сапожник с остервенением тыкал туда тупым шилом.

Самым отвратительным в его положении было то, что он, всю свою восемнадцатилетнюю жизнь мечтавший о море, совершенно не мог представить себе морской качки. А уж начало путешествия виделось ему совсем по-иному.

– Ну, пока все нутро не вывернет, не успокоится, – услышал он сказанную тоном знатока фразу и понял, что она относится к нему.

Харт хотел повернуть голову и достойно ответить, но новый мучительный приступ скрутил его невыносимой резью, так что он только успел краем глаза отметить коренастую фигуру, увенчанную похожей на котел головой, повязанной красным платком.

– Только зеленые юнцы, в первый раз ступившие на палубу, блюют с наветренной стороны, – отозвался кто-то рядом, и Харт покраснел от унижения, узнав надтреснутое карканье своего капитана.

Ему очень хотелось сказать в ответ что-нибудь из разряда «не вашего ума дело», но вместо этого, настигнутый новыми спазмами, он опять перегнулся через планшир. А когда ему полегчало, оказалось, что он снова остался в одиночестве. Больше всего на свете он желал лечь прямо на палубу, но гордость не позволяла ему пасть так низко в глазах простых матросов. Когда он наконец добрался до своей каюты, схожей размерами с матросским сундуком, то обессиленно повалился на жесткую крышку рундука¹, покрытую набитым соломой тюфяком. Поскольку закрыть глаза было решительно невозможно из-за приступов головокружения, он повернулся носом к дощатой переборке и, зацепившись взглядом за сучок, предался воспоминаниям...

* * *

– Согласитесь, этот парусник просто великолепен – настоящий красавец! Глядя на него, думаешь о совершенстве, которого способно достичь мастерство человека, не так ли? Глядя на изящные линии бортов, на великолепно украшенную корму, понимаешь, что рукой плотника водила десница Господня... Вы согласны со мной, сэр?

Этот короткий панегирик с большим воодушевлением был произнесен на торговой пристани Плимута господином не первой молодости, но чрезвычайно живым и подвижным для своих лет, одетым в костюм из черного голландского сукна, покроем которого выдавал в нем особу влиятельную, хотя и не благородных кровей. Обращался он при этом к человеку чрезвычайно рослому, завидного телосложения и, несомненно, дворянину, на что указывала большая отделанная серебром шпага, висевшая на перевязи у бедра этого краснолицего, с военной выправкой, мужчины.

Но спутник пожилого господина, похоже, имел свое, особое, мнение о задранной, как утиная гузка, корме и заваленных внутрь бортах, а также о чересчур узкой для стодвадцатифутового корабля палубе.

– Мне кажется, – просипел он, трубно сморкаясь и отнимая от лица платок со следами табака, – мастера скорее вдохновил размер пошлин, взимаемых зундской таможней. Разве этот корабль не ходил на север? Он не выглядит жеребцом-шестилеткой перед скачками в Ньюмаркете. Я бы даже сказал, сударь, что Кингс Плэйт² этот флейт точно бы не взял, если можно так выразиться.

Пожилой господин метнул острый, как дротик, взгляд на своего собеседника и тут же прикрыл глаза тяжелыми веками, оставив замечание капитана без ответа.

¹ Рундук – встроенный ящик в каюте для хранения вещей: большой ларь и одновременно скамья. В тесных помещениях зачастую исполнял роль койки. (Здесь и далее примечания выполнены с учетом того значения слов, в котором они употреблялись ранее, в XVII–XVIII веках. – примеч. ред.)

² Кингс Плэйт (англ.) – Королевская Чашка; первоначальное название приза на скачках, который нынче мы называем Кубком.

Капитан³, а дворянин с военной выправкой был именно капитаном, неторопливо засунул платок в карман темно-синего, украшенного золотым галуном кафтана и с неуловимой насмешкой посмотрел сверху вниз на своего нанимателя:

– Господин Абрабанель, вы зафрахтовали судно для своих целей, не поставив меня в известность заранее, но поскольку интересы Британской короны на данный момент совпадают с вашими, а я должен вести эту лохань и в ней вас через Атлантику, я могу лишь согласиться со всем тем, что вы мне скажете.

Сэр Джон Ивлин, а именно так звали капитана, был подданным Великой Британии. В последнюю войну он весьма успешно сражался против тех самых голландцев, на одного из которых теперь по воле случая столь же благополучно работал. Более насчет достоинств и недостатков флейта под названием «Голова Медузы» капитан и его патрон не распространялись, так как капитан умел молчать и не обсуждать приказы, что немало способствует продвижению по служебной лестнице. А потом, Абрабанель платил такие деньги сверху, что они были куда весомее любого мнения.

При этом Джон Ивлин отнюдь не собирался во всем соглашаться с этим парвеню⁴ – он был все-таки истым джентльменом: упрямым, педантичным и очень себе на уме.

Как уже было сказано, флейт имел обычную для этих кораблей длину около ста двадцати футов, ширину около двадцати футов и осадку около двенадцати футов. Созданный как торговое судно, он мог нести до 350–400 тонн груза, а на пушечной палубе и носу корабля недавно установили двадцать восьмифунтовых пушек. Экипаж судна, исключая пассажиров, благодаря усовершенствованиям рангоута и парусов составлял всего шестьдесят человек. Что бы там ни говорил капитан, «Голова Медузы» отличалась неплохими мореходными качествами, делала до девяти узлов и была оборудована штурвалом – новшеством, заменившим румпель и значительно облегчавшим управление рулем.

Что касается ее парусного вооружения, то оно состояло из трех мачт, из которых фок- и грот-мачта несли по три ряда прямых парусов, а бизань-мачта – латинский парус и выше его крьюсель, а на бушприте кроме блинда был установлен еще и бом-блинд.

Сэр Джон Ивлин, насмехаясь над начальником кампании, конечно же, знал, что и непропорционально длинный по отношению к ширине корпус, и увеличение мачт за счет стеньг только повышали ходкость судна и упрощали его ремонт, но уж больно хотелось ему прищучить этого купчишку из Сити.

Давид Малатеста Абрабанель, а так звали хозяина флейта, также неуловимо усмехнулся в ответ.

Он прекрасно уловил ту едва заметную волну презрения, которая исходила от британского подданного, дворянина и морского офицера, в сторону ростовщика и ювелира из купеческого сословия. Только его самого собственная родословная несколько не смущала.

Те времена, когда знатность рода определяла судьбу человека от колыбели до смертного одра, невосвратно уходили в прошлое, и только глупец мог этого не заметить. Гордые аристократы с пышными гербами и раскидистыми генеалогическими кущами могли быть воинами, вельможами, пэрами, джентри⁵ и прочая, и прочая, и прочая.

Они могли все, кроме одного: они не были способны составить капитал и приумножить его – умели только тратить. Давид Малатеста Абрабанель на этом поприще мог дать сто очков вперед любому лорду, хоть в Старом, хоть в Новом Свете. Приумножать богатства он умел и

³ Капитан – глава и единоличный управитель экипажа судна, доверенное лицо судовладельца, представитель грузовладельца, главный судоводитель. Не путать с командиром корабля – человеком, возглавляющим кампанию и знающим о цели плавания. Зачастую капитан мог даже не знать конечной цели путешествия.

⁴ Парвеню (*фр.*) – выскочка; человек низкого происхождения, пробивающийся в аристократическое общество и подражающий аристократам.

⁵ Джентри – мелкопоместное дворянство в Англии XVI–XVII веках.

любил. Хвала Создателю, Голландские Генеральные штаты, с которыми невзирая на внешнюю политику Англии у некоторых купцов и ювелиров Лондона были более чем тесные отношения, являлись той страной, где люди, чьи отцы и деды блюли шаббат, могли полностью реализовать свои таланты.

Нидерланды уже несколько столетий не чинясь давали приют еврейским общинам, и там они чувствовали себя как дома. Да, это вам не Англия, где любой захудалый сквайр корчит из себя потомка Ричарда Львиное Сердце и джентльмена, даже если в карманах у него пусто, а кишки жалобно бурчат в ожидании жесткой бараньей отбивной. И отец Давида Абрабанеля был ювелиром и ростовщиком, и дед им был, и, кажется, все предки до седьмого колена имели дело с золотом, но зато теперь он, Давид Малатеста Абрабанель, ювелир из Сити и хоть совсем не официальный, но вполне полномочный коадьютор⁶ голландской Вест-Индской компании, мог рассчитывать на безусловное уважение не только собратьев по цеху, но также и многих особ, которые получили свои привилегии благодаря происхождению, то есть безотносительно своим способностям и уму.

После того как Нидерланды обрели независимость, многие мараны, или крещеные евреи, из Португалии и Испании присоединились к своим собратьям в Амстердаме и Антверпене, где вернулись к вере своих предков – Талмуду и Торе. Они также продолжали поддерживать и укреплять связи с купечеством Гамбурга, превратившегося в оживленный центр еврейской жизни. Кроме того, некоторые проникли в Данию – между прочим, по приглашению самого короля.

Еще во времена Елизаветы Тюдор к Амстердаму уже намертво приклеилось прозвище «голландского Иерусалима», ставшего не просто крупным центром европейского еврейства, но и своеобразной столицей ювелиров, купцов и ростовщиков. Именно этими видами деятельности еще с эпохи Средневековья ведали евреи.

Кромвель, чей религиозный пыл вошел в поговорки, тем не менее крайне нуждался в средствах, и среди купцов и ювелиров Сити стали появляться представители этого презираемого племени, которые скупали просроченные векселя, открывали неограниченные кредиты, ссужали деньгами знать, организовывали торговые экспедиции в обе Индии. Самое главное, у них были собственные отличные корабли, построенные на голландских верфях – лучших в то время.

Представители английского купечества роптали, но поделаться ничего не могли.

Сам Абрабанель перебрался в Англию недавно и временно обосновался у своего дальнего родственника, такого же голландского сефарда⁷, в Сити, где многие сыны их племени еще со времен Карла Первого держали ювелирные лавки и торговые конторы. Он принялся давать займы и скупать долговые расписки, особенно интересуясь теми заемщиками, у кого есть связи или владения в Вест-Индских колониях. И наконец он нашел то, что ему было нужно.

Впрочем, те двое англичан, которые сопровождали сейчас Абрабанеля, особенно не стремились подчеркивать свое родовое превосходство и внешне держались достаточно уважительно, что было и немудрено, так как оба они волей случая находились у него в подчинении, хотя и по разным причинам.

Второй англичанин выглядел куда моложе и неопытнее капитана. Был он хорошо сложен, высок и белокур. В умении держать себя и в осанке его с первого взгляда угадывалось врожденное благородство, дополненное воспитанием где-нибудь в Оксфорде или Кембридже.

⁶ Кoadьютор (*ново-лат.*) – помощник, наместник по должности, представитель.

⁷ Сефарды (от топонима Сфарад, Испания) – потомки евреев, изгнанных в 1490-х годах с Пиренейского полуострова или покинувших его впоследствии, в XVI–XVIII веках; этнокультурная общность, считающая себя элитарной частью еврейского народа.

Одет он был небогато, но с той особой тщательностью, которая свойственна молодости, сознающей свою привлекательность и свое происхождение. Простой, без отделки, кафтан табачного цвета был скорее английского, чем французского, покроя, а шпага, висевшая на не лишенной изящества перевязи, выглядела скорее семейной реликвией, чем боееспособным оружием. Выглядывающий из-под кафтана камзол черной тафты и узкие кюлоты, обтягивающие стройные ноги юноши, еще более подчеркивали изящество его фигуры, придавая облику некоторую меланхоличность, на деле вовсе ему не свойственную. Казалось, он сам это осознает, и, чтобы хоть как-то придать себе воинственности, он глубоко надвинул на лоб черную шляпу с низкой тульей и загнутыми спереди и с боков полями.

Но и из-под шляпы голубые глаза юноши сияли простодушным восторгом и нетерпением. Вот ему-то совершенно искренне нравились и флейт, на котором в скором времени им всем предстояло отправиться в путешествие, и острова, очертания которых он выучил наизусть по картам, хранящимся в университетской библиотеке, и моряки, суетившиеся в доках и на палубах кораблей, и отвратительная вонь протухшей рыбы и полной нечистот воды, и юркие баркасы, ловко шныряющие между громадами судов, и скрип талей, с помощью которых в трюмы опускались или подымались из них грузы. В тюках и ящиках ему грезилась сокровища, привезенные из-за океана: золотые украшения, серебряные слитки, жемчуга величиной с кулак, редкие пряности и еще много всего, чего юный Уильям Харт даже и представить себе не мог...

* * *

Воспоминания прервал сильный толчок, благодаря которому Харт сначала ткнулся носом в ту самую перегородку, украшенную сучком, а затем шлепнулся прямо на пол. Как называется пол на корабле, Харт не знал, что только усилило его тоску.

Тотчас вслед за падением в каюту, или, вернее, в закуток между каютами, который занимал Харт, постучали, и внутрь вошел Якоб Хансен, которому скорее пристало бы зваться Иаковом. Харт еще в порту поименовал его жидом, и с тех пор внутренняя неприязнь его к старшему клерку⁸ и помощнику Абрабанеля только усилилась. На лице Хансена в полной мере отразились все достоинства и недостатки его племени. У него были глубокие черные глаза с поволокой, отливающий синевой мягкий женский подбородок и профиль какого-нибудь Навина, поразившего филистимлян к своему собственному удивлению.

Но в его глубоких глазах, в этом тонком лице, в этих поджатых губах таилось столько хитрости и жизненной силы, что Харту в его присутствии становилось не по себе, как будто он оказался в обществе шулера или фальшивомонетчика. Впрочем, Харт был настолько неискушен в людях, что охотно объяснял свое мнение предвзятостью, свойственной европейцам при общении с этим бездомным народом.

– Хватит валяться, Харт. Иди проветрись на верхнюю палубу. Склянки уже били половину шестого, скоро будет обед.

Харт поднялся с пола и, оправив изрядно помятый камзол, потянулся за своим единственным кафтаном.

– Пожалуй, я попрошу слугу вычистить твою одежду, – Якоб насмешливо оглядел Харта. – Мне кажется, мы с тобой одного роста, так что тебе должно подойти, – он швырнул на койку одежду.

– Что это?

– Скажи спасибо господину Абрабанелю. Ты обедаешь вместе с нами, и ему не хотелось бы пугать мисс Элейну твоими нарядами. Так что приведи себя в порядок – и милости просим к столу.

⁸ Клерк (*фр.*) – приказчик в голландской Вест-Индской компании.

Харт слышал издевку в тоне Якоба, но предпочел ее не заметить. «Только низким людям доставляет удовольствие смеяться над несчастьем и неловким положением ближних, – подумал Уильям, – вот я бы ни за что не стал потешаться над человеком, попавшим в затруднительные обстоятельства. Это не по-мужски. Когда я получу деньги за службу, я сумею вернуть долг». Но больше всего Уильяма его бедность тяготила в присутствии дочери Абрабанеля. Она ведь совсем не такая, как... И тут фантазия Харта понеслась галопом, словно возмещая вынужденное бездействие во время носовой качки.

* * *

Вообще, Уильям Харт был большой мастер давать волю фантазии. Еще будучи совсем ребенком, он жадно ловил рассказы бывалых людей о морских путешествиях, о далеких райских островах, где круглый год лето и где золото валяется прямо под ногами. Эти рассказы будоражили душу Уильяма и звали его в дорогу. И хотя родители прочили ему поприще священнослужителя, поскольку он был третьим сыном в семье, Уильям в мечтах видел себя морским бродягой, отважным искателем приключений.

Богословствование в сельской глуши представлялось ему чем-то вроде пожизненного тюремного заключения.

Последней каплей, переполнившей чашу нетерпения юного мечтателя, было кратковременное появление на его жизненном пути некоего родственника, троюродного дяди, сэра Роберта Гладстона, который с юных лет связал свою судьбу с морем и плавал офицером на многих судах и под многими флагами. Он гостил в усадьбе Хартов на Рождество не более недели, но рассказанного им за это время хватило бы на две жизни. По некоторым намекам можно было догадаться, что ему доводилось ходить и под флагом морского разбойника Моргана, заслужившего, впрочем, офицерский патент у Его королевского Величества. Эта догадка наполняла душу Уильяма сладким ужасом. Но с особенным жаром дядя прославлял почему-то мореплавательские успехи и корабли голландцев. Может быть, поэтому впоследствии Уильям решился остановить свой выбор именно на голландских судах.

Впрочем, связно объяснить свои желания Уильям не смог бы даже самому себе. Им овладела страсть, своего рода лихорадка, подчинившая все его действия и желания единственной цели, и в один прекрасный день, написав батюшке с матушкой трогательное письмо с извинениями и обещанием в скором времени разбогатеть и сделаться знаменитым, Уильям тайно покинул родной дом и с тощим кошельком бесстрашно пустился в первое свое путешествие, оказавшись в итоге в доках Плимута, где так заманчиво пахло морем, дегтем и пряностями.

Несмотря на то что реальная жизнь несколько отличалась от его восторженных фантазий, Уильям даже не успел в них разочароваться. В Плимуте ему повезло повстречаться с милейшим человеком по имени Давид Абрабанель, который принял живейшее участие в судьбе незнакомого ему юноши и был так великодушен, что сразу же взял его на службу, предложив место клерка, приличное жалованье и вояж в британские колонии на Карибах, куда сам Абрабанель отбывал как поверенный Вест-Индской компании.

Нужно ли говорить, что все эти предложения были приняты Уильямом с восторгом и благодарностью? Он опять воспрял духом и предался мечтаниям. Обстоятельства для этого были самые благоприятные. К удивлению Уильяма, его новая должность не накладывала на него пока никаких обязательств, и он был практически совершенно свободен. Целыми днями Уильям слонялся по городу, неизменно оказываясь в порту, где он с замиранием сердца встречал и провожал корабли. Он грезил наяву и представлял самого себя то на капитанском мостике великолепного галеона, то у штурвала грозного фрегата, то, на худой конец, с пистолетом за поясом несущим вахту на шканцах какого-нибудь брига.

Купец на это время как будто забыл о своем работнике. Новые обязанности по-прежнему оставались для Уильяма тайной за семью печатями. Испытывая некоторые угрызения совести, он разыскал Абрабанеля и попытался вызвать того на разговор, но торговец просто отмахнулся от него и предложил юноше развлечься чем-нибудь, ссудив ему на это даже некоторую толику денег. Уильям решил, что Провидение послало ему вместо работодателя настоящего ангела и что о лучшем патроне даже и мечтать невозможно.

По правде говоря, Давид Абрабанель совершенно не заслуживал столь лестной оценки и уж ни в коей мере даже внешне не походил на ангела. Да и как мог быть похож на бестелесного духа коротышка с раздавшейся филейной частью и выдающимся брюшком, коего не могли скрыть никакие ухищрения портного, с лицом, на котором кривым бушпритом торчал хищный нос, и с голосом тихим и вкрадчивым, как шелест ценных бумаг? Только пронзительные глаза, выражение которых ничего не говорило об истинных намерениях их обладателя, выдавали, безо всякого сомнения, незаурядного человека. К своим прочим качествам Абрабанель, оправдывая свою принадлежность к ювелирам, обладал слабостью к драгоценным камням, и его маленькие, аккуратные, почти женские руки были унижены множеством перстней искусной работы.

Трудно было представить себе такого человека среди бушующей морской стихии, но Абрабанель уже не первый раз отправлялся в Новый Свет – более того, он был облечен при этом высокой миссией не только компанией, но и Британским казначейством, и Уильяму оставалось только восхищаться его деловитостью.

* * *

Погрузившись в размышления о своем нанимателе, Харт, тем не менее, успел переодеться и привести в порядок свои волосы. Парик он не носил по причине скудости средств и наличия собственной густой шевелюры.

Притворив дверь в каюту, Харт легко взбежал по узкому трапу на палубу, где размещались каюты капитана, господина Абрабанеля и его дочери.

Когда он вошел в кают-компанию, как раз подали первую перемену: куриный суп с горошком и огурцами и говяжье жаркое с маринадом.

Принеся извинения за опоздание, Харт занял свое место в конце стола, как раз по диагонали от мисс Элейны, которая одарила его ласковым взглядом. Взгляд этот был ловко перехвачен Хансеном и Абрабанелем, не вызвав восторга ни у одного, ни у другого.

Впрочем, мысли представителя Вест-Индской компании витали сейчас в совсем иных сферах, хотя Давид Малатеста Абрабанель отнюдь не был прекраснодушным мечтателем и увидеть в нем ангела мог только самый неискушенный человек. Уильям Харт был как раз из таких, и посему у дальновидного коадьютора имелись на него кое-какие виды. По складу характера тот терпеть не мог сумасбродов, скитающихся по миру в поисках сомнительных приключений. Уильям Харт в его глазах был одним из таких вертопрахов, не заслуживающих ни малейшего снисхождения, и лишь собственные тайные планы заставляли Абрабанеля разыгрывать перед юношей роль щедрого покровителя.

Это было вполне в его духе – лицемерить, изображая чувства, которых не было и в помине. То же самое действо, призванное скрыть истинные намерения коадьютора, он продолжал разыгрывать теперь и перед капитаном.

Джона Ивлина обмануть было труднее, но это и не было обязательным условием – капитану было достаточно сделать вид, будто он обманут: это означало бы, что он принимает правила игры. А правила были не совсем обычные и нуждались в уточнениях, давать которые Абрабанель никому не собирался.

– Заранее прошу прощения за убожество наших обедов. Мы в походных условиях, количество провианта ограничено, посему наше меню не будет отличаться особой изысканностью, к которой, безусловно, все присутствующие привыкли в обычное время, – произнося это, Абрабанель по очереди поглядел на присутствующих, надеясь, что они по достоинству оценили его юмор.

Но удовольствие ему доставила только физиономия Харта, чьи скулы залил бледный румянец, а желваки напряглись. Еще бы! Харт уж точно в своей жизни не ел ничего лучше черничного пудинга, бобового супа и жесткой, как ботфорт мушкетера, баранины.

Элейна в ответ на тираду отца посмотрела на него с грустным упреком.

Хансен рассмеялся, обнажив ряд великолепных зубов, и подлил себе еще из супницы.

Джон Ивлин же сидел за обедом по левую руку от Абрабанеля. Его лицо по обыкновению было угрюмым, и по нему невозможно было разгадать истинное настроение капитана. Но Джон Ивлин, равнодушно поглощая суп, на самом деле думал о том, что напрасно этот пройдоха радуется, воображая себе, будто провел его. Ему, так же как и капитану, понятно, что пускаться на подобной посудине через океан несколько рискованно, особенно с государственной миссией. Но выбор судна компания оставила за собой, и в итоге мы имеем, что имеем.

Джон Ивлин не считал необходимым проявлять упорство в данном случае. Идти через Атлантику на трехмачтовом флейте, оснащенном двумя десятками легких пушек, было, по меньшей мере, неосмотрительно. Правда, сезон ураганов уже кончился и вероятность попасть в бурю была не слишком велика, но вот нарваться на жестокого испанца или на пирата-англичанина, который не обращает внимания на то, что болтается у вас на флагштоке, было вполне реально.

Словно в ответ на его мысли, Абрабанель, отложив ложку и поглядывая то на Харта, то на Ивлину, воскликнул:

– Право, я доволен, очень доволен этим судном. «Голова Медузы» прекрасно идет, ей и носовая качка нипочем. Правда, Харт?

– М-м-да, – ответил Харт, едва проглотив суп. – Мне кажется, она прекрасно держится.

– А что думаете вы, капитан?

– Корабль и в самом деле неплох, сэр, – сдержанно заявил тот, хмуря при этом брови. – Командой я тоже доволен. Даст Бог, доберемся до Барбадоса в срок и без приключений. Но по нынешним временам я бы все-таки предпочел плыть на линейном корабле флота Его Величества. Тогда моя душа была бы перед вами чиста, сэр.

– Не беспокойтесь о своей душе, капитан! – посмеиваясь и потирая руки, Абрабанель сам подлил себе немного вина. – Иногда скромный вид приносит большую выгоду, нежели непобедимая армада. Во всяком случае, внимания он привлекает куда меньше...

– Нет, я решительно уверен, что наше плавание будет благополучным. Страны наши заключили теперь мир, испанцы, кажется, утомонились, и даже ужасный Морган, говорят, перешел на службу к Его Величеству. Чего же нам бояться?

– Не бояться, сэр! – капитан звякнул приборами, приступая к жаркому в маринаде. – Но опасаться на воде необходимо! Только глупцы выходят в море без опаски. Надеюсь, вы понимаете, что я хочу сказать?

Давид Абрабанель опять засмеялся, и его прищуренные глазки остановили свой взгляд на лице Уильяма Харта, лицо которого приняло мечтательное выражение.

– Кажется, наш молодой друг именно таков, капитан! – игриво заметил Абрабанель. – Нет-нет, я отнюдь не хочу назвать вас глупцом, дорогой Уильям! Но ваша жажда приключений написана у вас на лице. Еще недавно вам хотелось поскорее услышать плеск волн, скрип мачт и крики чаек, не правда ли? Сказать «прощай» родимому берегу и пуститься в неизведанное очертя голову и без сожалений, не так ли? О, я вас отлично понимаю! Эта прекрасная пора безрассудных надежд и предвкушений! Увы, ее уже не вернуть! А теперь вы, видно, мечтаете о

неизведанных островах... Как я вам завидую, мой юный друг! Ведь у нас, стариков, уже ничего не осталось, кроме забот, и мы смотрим на мир совсем другими глазами.

Уильям невольно вспыхнул под внимательным смеющимся взглядом Абрабанеля. Ему хотелось ответить банкиру с достоинством зрелого, выдавшего виды человека, но, как назло, в голову ему ничего достойного не приходило и он был вынужден промолчать, как бы полностью соглашаясь с характеристикой, которую косвенно выдал ему работодатель.

– Мне кажется, отец, и вам не чужда некая авантюрная жилка, в противном случае вы сами ни за что не пустились бы в столь опасное предприятие, – голос у Элейны был мягкий и бархатистый, совсем не свойственный грубым голландкам.

Уильям горячим взглядом поблагодарил свою неожиданную заступницу.

К счастью, капитан в этот момент перевел разговор в другое русло.

– Простите, сэр! – сказал он, утирая губы салфеткой. – Мне придется немедленно вас покинуть. Я уже похвалил команду, но боюсь, что эти мошенники могут расслабиться на ветерке. Я должен проверить курс.

– Конечно, – кивнул Абрабанель. – Это прекрасный пример того, что я называю верно-стью своему долгу, дорогой Уильям! Как раз это я и подразумевал, когда говорил о заботах, связывающих нас, точно пути на ногах лошади, пасущейся на зеленом лугу! Вокруг нее сочная трава, нежнейшие цветы и вообще благодать Божья, но она не может никуда ускакать, потому что стреножена... Гм, однако я также должен вас покинуть. Под приглядом такого ответственного человека, как наш бравый капитан, дела на судне идут как нельзя лучше, а у меня еще бумаги...

– Десерт, господа, – возгласил матрос, выполняющий на судне обязанности стюарда. На серебряном подносе возвышалась горка засахаренных фруктов, чаша веницианского стекла с компотом из жареных персиков, абрикосов и слив и серебряное же блюдо с шоколадным печеньем.

– О, какое искушение! Приятного аппетита, господа. Ешьте десерт без меня – в мои годы сладкое только вредит. – Абрабанель с трудом поднялся с кривоногого креслица, как раз недавно введенного в моду Людовиком XIV.

Как только за патроном закрылась дверь, Хансен с преувеличенной любезностью обернулся к юной мисс Абрабанель.

Но та, откинувшись в кресле, перебирала зеркальце и другие безделушки, висевшие у нее на поясе.

– Скажите, господин Харт, отчего вы нанялись к моему отцу? – вдруг спросила она, подняв на юношу миндалевидные глаза.

– О сударыня, все очень просто. Как угадал ваш батюшка, мне и вправду с младенчества хотелось посмотреть свет, побывать в тех удивительных краях, из которых нам привозят чудесных птиц, ароматные пряности и необыкновенной красоты драгоценности. Я столько слышал об этом из рассказов, а мой дядюшка однажды подарил мне удивительную деревянную маску с далеких берегов Черного континента. Он даже обогнул мыс Горн и рассказывал мне о Летучем Голландце, который уже сто лет не может миновать это страшное место и вернуться домой.

– Знаете, я тоже упростила батюшку взять меня с собой. Матушка умерла четыре года назад, и я больше не хотела оставаться одна в большом доме и ждать отца. Рассказы о красотах Нового Света совсем вскружили мне голову. Отец сначала и слушать не хотел, а потом передумал. Даже странно.

– Мне кажется, он погорячился, хотя благодаря его сговорчивости мы обрели вас, – Хансен попытался поднести руку девушки к губам, но та ловко увернулась и снова взялась за зеркальце.

Харт почувствовал, что ему будет лучше откланяться.

Носовая качка прекратилась, судно больше не металось вверх-вниз, как загарпуненный кит, а равномерно покачивалось на зеленоватых волнах океана. Все начало путешествия Уильям провел в каюте, страдая от морской болезни, поэтому он пропустил выход из пролива Ла-Манш и впервые поднялся на палубу, когда судно находилось уже в открытом океане.

Поскольку молодой англичанин еще не курил трубку, то не мог убивать послеобеденное время, предаваясь этому морскому пороку. Посему единственным его развлечением было наблюдение за океаном и восхищение бескрайним оком, раскинувшимся перед глазами. Он поднял голову навстречу соленому ветру и снова погрузился в воспоминания...

* * *

– Не забывайте, мой юный друг, завтра – 5 июля и с рассветом мы отправляемся. Сон молодого человека так сладок – долго ли проспать все на свете... Прикажите, чтобы вас хорошенько будили утром!

Но опасения ростовщика были напрасны. В эту ночь Уильям ни на секунду не сомкнул глаз, несмотря на то что он пробыл в доках до позднего вечера, а отужинал в портовой таверне, за обе щеки уписывая тушеные бобы с жареной камбалой и жадно вслушиваясь в разговоры, которые гудели вокруг него. В таверне пили, ели, играли в кости и драли глотки моряки с разных кораблей со всех концов земли, обветренные, загорелые, покрытые шрамами, видевшие своими глазами морских чудовищ и волны высотой с Тауэр; леса, населенные кровожадными дикарями и диковинными животными, и топкие болота, зараженные лихорадкой; рубившиеся в рукопашную с пиратами и блуждавшие по непроходимым гилеям в поисках легендарной страны Эльдорадо, где золотые слитки валяются прямо под ногами...

Басра, Магриб, Эдо, Мансур, Картахена, Эспаньола... Названия далеких портов и стран звучали как музыка органа; плавающие в крепком сизом дыму имена кораблей и знаменитых капитанов обретали плоть и жизнь – Харт буквально пробовал их на вкус, шепотом повторяя за матросами незнакомые слова... За стенами таверны до рассвета шумел и чадил огромный порт, и разве мог Уильям заснуть в эту ночь?!

Проснувшись от воплей хозяйского петуха, умывшись из лохани и кое-как почистив башмаки, совершенно не выспавшийся, но полный надежд, что, явившись на причал ранее прочих, он тем самым выкажет свою пунктуальность и рвение, Уильям побежал в доки.

Едва забрезжил серый рассвет. В тусклом небе легкий ветерок перегонял темные, длинные, как водоросли, тучи. С неба сыпалась изморось, отчего вся одежда юноши моментально пропиталась влагой. Тяжелая, пахнущая рыбой и водорослями вода лениво билась о камни причалов. Поскрипывали снасти, недовольно кричали разбуженные чайки. Звуки тонули и искажались в стоящем низко над водой тумане, таком плотном, что, казалось, его можно было резать ножом.

Несмотря на ранний час, на «Голове Медузы» уже кипела работа. Команда готовилась к отплытию. За приготовлениями, скрестив на груди руки, наблюдал капитан Ивлин, прямой как оглобля, суровый и, по своему обычаю, немногословный.

Что команда не спит, конечно, не было для Уильяма неожиданностью, но вот то, что среди пассажиров он окажется отнюдь не первым, неприятно поразило его. Поднявшись с маленьким, обитым свиной кожей сундучком на палубу, он обнаружил на борту корабля своего работодателя в центре небольшого общества.

Банкир, во вчерашнем кафтане, украшенном белым воротником из голландских кружев, в суконной круглой шляпе с одиноким пером цапли, был необыкновенно оживлен и даже весел. Трудно было поверить, но, кажется, этот меркант не меньше Уильяма был возбужден предстоящим путешествием. Вертя по сторонам головой и бурно жестикулируя, он болтал о чем-то со

своими спутниками, и даже издали было заметно, что тема беседы была далека от прибыли и процентов. Серьезные вопросы Абрабанель, судя по всему, перенес на другое время.

Общество, окружавшее банкира, было совсем небольшим, но разнообразным: уверенно державшийся широкоплечий мужчина лет тридцати, в светлом парике, резко контрастировавшем с его загорелым лицом путешественника, и две леди, одна из которых, молодая брюнетка, держалась скромно и, видимо, присутствовала здесь в качестве компаньонки или прислуги, а другая была юна и очаровательна.

* * *

Харт остановился на шканцах, не зная, удобно ли ему будет нарушить уединение этого почти семейного кружка, так как, скорее всего, эта юная незнакомка была дочерью Абрабанеля, о которой тот вскользь упоминал.

Банкир заметил нерешительность Харта и подозвал его жестом поближе.

– Весьма сожалею, что прежде не выпало такого случая, но лучше поздно, чем никогда! – провозгласил он, добродушно похлопывая Уильяма по спине и при этом из-за незначительности своего роста едва доставая ему до лопаток. – Позвольте вам представить моего славного молодого друга и нашего нового помощника в делах – сэр Уильям Харт, к вашим услугам! Он любезно согласился принять участие в нашем предприятии. Приятно, когда молодой человек не сидит на месте, а ищет возможность употребить свои способности на пользу себе и своим близким... Элейна, этот молодой джентльмен – мой новый помощник, дворянин сэр Уильям Харт. Некоторые обстоятельства заставили его искать счастья за океаном, и я надеюсь, что его надежды оправдаются.

Харт наклоном головы поприветствовал девушку, в ответ сделавшую легкий реверанс.

– Сэр Уильям, рад представить вам мою дочь Элейну. Вот моя дочь, моя Элейна, мой нежный цветок, который дарит мне надежду, мой свет в темной ночи, который поддерживает меня на одиноком и опасном пути... Надо сказать, что, несмотря на скромный вид, она весьма своенравна.

Абрабанель рассмеялся, и Харт подумал, что свонравность девицы была отцу весьма по сердцу.

– А это наш торговый агент Якоб Хансен. Он ведет дела с Барбадосом и, воспользовавшись случаем, решил осмотреть все сам. Доверяй, но проверяй, так сказать. Рекомендую, Якоб Хансен – замечательный человек, надежный и крепкий, точно кремь! Именно он станет теперь вашим наставником и пастырем, так сказать. Надеюсь, вы подружитесь, тем более что вы почти коллеги...

На вид поверенному в делах было лет тридцать пять – сорок, и он был отнесен Хартом к старшему поколению. Они обменялись легкими полупоклонами, причем Харт отметил, что, судя по манерам, двери высшего общества были для агента если и не закрыты вовсе, то приотворены лишь слегка.

Еще одну девушку, стоящую поодаль и небогато одетую, Харту не представили, из чего он сделал вывод, что его первоначальные предположения относительно ее места в этом кругу были верны. Кэтрин была камеристкой Элейны, и это сразу убивало всю миловидность кареглазой брюнетки со смеющимися глазами и пухлыми губками, приоткрытыми в усмешке. У противоположного борта дремал верхом на дорожных сундуках слуга Абрабанеля.

Когда церемония знакомства завершилась, разговор возобновился, но Уильям предпочел слушать, дабы не показаться нескромным. Украдкой он разглядывал единственный достойный внимания объект – мисс Элейну.

Семнадцатилетняя дочь ростовщика и в самом деле была то, что французы называют *charmant*. Уильяма сразу поразило ее прелестное личико, обрамленное пышными золотистыми

волосами, выбивающимися из-под серого капюшона и крупными локонами ниспадающими на шею и плечи. Парика она не носила, но причиной тому явились не законы против роскоши – просто было бы сушим преступлением прятать такую красоту. Правильные черты лица, матовая, немного смугловатая на изысканный вкус кожа, печальные темные глаза и задумчивое выражение придавали ей сходство с Мельпоменой.

Изящное платье, выглядывающее из-под распахнутого дорожного плаща, было скроено на французский манер и не скрывало совершенства ее фигуры: расшитый голубым шелком жемчужно-серый заостренный лиф подчеркивал тонкую талию, которую, казалось, можно было обхватить соединенными пальцами рук; такого же цвета роба с намеком на шлейф, открывавшая нижнее платье из голубого шелка, расшитого крупными розовато-серыми цветами, оттеняла хрупкость и невинность девушки, а широкое низкое декольте, отделанное алансонскими кружевами, обнажало безупречные плечи и высокую грудь.

Юная мисс казалась слишком серьезной для своих лет и положения. Даже в шутовском разговоре сквозь ее улыбку сквозила задумчивость, да и за репликами беседующих она следила нехотя, словно недовольная той чепухой, которой те обменивались по обычаю праздных путешественников.

– Ну, и что я говорил! – торжествуя вскричал меркант, замечая Уильяма, одиноко стоящего на палубе. – Так и есть! Наш молодой друг не выспался, не завтракал, бежал сломя голову и теперь совершенно не в духе! Выше голову, юноша! Мы отдаем паруса!

Последнее утверждение не было совсем уж точным, потому что до того момента, как опытный лоцман должен был вывести «Голову Медузы» в открытое море, был поднят лишь блинд на бушприте корабля, но все-таки путешествие начиналось, и этот факт вновь заставил Уильяма оживиться и забыть обо всем на свете. С трепетом в душе он внезапно понял, что они отчалили, покинув сушу, и вскоре должны будут отдаться на волю самой капризной из стихий.

Впрочем, углубиться в душевные переживания ему помешал старший клерк.

– Впервые выходите в море, сэр? – подчеркнуто вежливо, но с едва уловимой насмешкой произнес он.

– Если не считать небольшого плавания через Ла-Манш, сэр, – с вежливой улыбкой ответил Уильям. – Надеюсь, что путешествие на «Голове Медузы» даст мне необходимый опыт.

– Кстати, насчет опыта: давно занимаетесь торговлей? – не удержая иронии, поинтересовался агент.

В ответ Уильям поднял и задумчиво оглядел свои ухоженные руки с тонкими аристократическими пальцами, чем несколько уязвил Якоба, напомнив ему о разнице в их происхождении:

– До сей поры ни у меня, ни у моих предков не было нужды в этом ремесле, Впрочем, как и ни в каком другом, – произнеся это, он улыбнулся и оглядел клерка с таким видом, с каким завзятый петиметр взирает на дурно скроенный кафтан.

Под этим взглядом поверенный Абрабанеля вспыхнул и уже готов был наговорить дерзостей, как Уильям произнес:

– Знаете, в чем кроется разница между нами? Нет, не в происхождении и не в обладании вещами – в воспитании.

О, это таинственное воспитание! Благодаря ему люди одного круга безошибочно узнают друг друга в толпе и благодаря ему двери гостиных захлопываются перед не посвященными в его секреты навсегда. Суть его – в обучении светским приличиям, а объяснить на бумаге, что это такое, невозможно. Теория заставит вас совершить множество нелепостей; практика же лучше, чем все наставления, в течение нескольких месяцев выучит находить выход из любого положения и научит разбираться, какие отношения царят в том или ином обществе между находящимися в нем персонами и окружающими их предметами. Иными словами, основная тонкость светского поведения заключается в том, чтобы всегда находиться в нужное время в

нужном месте, произнося при этом нужные слова, – это цеховой секрет высшего класса, за обладание которым они будут биться до последнего.

Итак, непринужденная беседа клерка с дворянином грозила перейти в ссору, но Абрабанель поспешил убить ее в зародыше.

– Опыт – дело наживное! – заявил он. – Уильям потому и находится сейчас с нами, что стремится приобрести необходимый опыт. Когда-то мы все начинали с нуля... И вообще, о делах мы еще успеем поговорить. Сначала нужно определить молодого человека на место... Якоб, прошу тебя, покажи нашему помощнику его каюту! Пусть устраивается поудобнее, ведь впереди у нас долгий путь!

Крепкая осанка Хансена, его уверенная манера держаться, его богатое платье лишний раз говорили Уильяму, что наглость – второе счастье. Откровенно говоря, в душе он несколько свысока смотрел на эту человеческую породу, полагая, что знатное происхождение и блестящее образование позволят ему быстро освоиться на новом поприще и даже добиться немалых успехов. Глубоко он об этом не задумывался, потому что приключения были для него важнее успеха и денег – и то и другое, как он полагал, должны были неминуемо прийти ко всякому, имеющему смелость и мужество их взять.

В действительности все оказывалось совсем не так, как представлялось в мечтах. Те самые презренные торгаши, которые должны были только обеспечить восхождение Уильяма к славе, выглядели людьми совсем не униженными и, более того, посматривали на юношу покровительственно, не торопились делиться с ним своими секретами и постоянно указывали на его молодость и неопытность. Да что там, до сих пор его даже не поставили в известность о том, в чем заключаются его прямые обязанности! Он не имел ни малейшего представления о целях экспедиции! Наверняка даже последний юнга на корабле был осведомлен об этом лучше, чем Уильям!

Однако все эти неприятные соображения не могли до конца испортить ту радость, что подогревалась в душе Уильяма простой мыслью: они плывут! Пусть пока только в водах Ла-Манша и с черепашей скоростью, но ведь это только начало долгого пути, который завершится в теплых морях Нового Света!

Этот факт примирил Уильяма с действительностью, и он с большим нетерпением дожидаясь, пока Якоб Хансен покажет ему на корабле его каюту. Вслед за торговым агентом Уильям прошел на корму, нырнул в грот-люк, протопал по узкой и душной галерее и оказался в крошечном помещении, обшитом досками, где не было ничего, кроме деревянного ящика с плоской крышкой. Свет проникал в эту камеру через узкое окошко – даже не окошко, а скорее орудийный порт, бойницу. Пожалуй, для скромного сундучка в этой мышеловке место еще бы нашлось, но сверх того здесь не поместилась бы даже шкатулка с курительными принадлежностями.

– Итак, отныне эта каюта и есть ваша обитель, друг Уильям! – с легкой улыбкой сказал торговый агент. – Немного похожа на гроб, не правда ли? Не сомневаюсь, что человек вашего происхождения вправе рассчитывать на что-то большее, но ведь вы сами выбрали свой путь, как я слышал? Помощник купца из Сити, да к тому же голландца по происхождению? Довольно скромно для юноши из благородной английской семьи, не так ли? Прошу извинить меня за назойливость, но что заставило вас, Уильям, пуститься на край света? Любопытство, извинительное для молодого человека? Или были какие-то особенные причины?

– Полагаю, что ваш вопрос продиктован не одним только праздным любопытством, – спокойно сказал Уильям. – Потому что вмешательства в свои дела не потерплю даже от человека, которому подчинен в силу обстоятельств.

Хансен чуть улыбнулся.

– Ради Бога, не обижайтесь! – добродушно заметил он. – Если даже я немного и любопытен, то это не со зла, уверяю вас! И прошу вас не упоминать больше ни о каком подчине-

нии! Скажу вам по секрету, эта старая лиса Абрабанель время от времени придумывает что-нибудь необычное, а потом смотрит, как воспринимают это окружающие его люди. Он или таким образом шутит, или осуществляет какие-то свои тайные замыслы. Проникнуть в его мысли чрезвычайно трудно.

– Что вы хотите этим сказать? – с подозрением спросил Уильям.

– Ради Бога, не выдавайте меня, а то мне несдобровать! – рассмеялся Хансен. – Дело в том, что до сих пор я великолепно обходился без помощников. Да и сам Абрабанель измыслил эту синекуру, только когда вы попались ему на глаза. Он объяснил мне, что решил таким образом поддержать энергичного и честного молодого человека, дать ему шанс. Вам то есть.

Уильям немного растерялся.

– Вы хотите сказать, что я тут совершенно не нужен?

– Нет-нет, если наш коадьютор что-то решил, то это не пустые слова! – заверил Хансен. – У него непременно на вас какие-то виды. Думаю, когда мы прибудем на Барбадос, работа найдется для всех. Вы не представляете, эти острова просто рай на земле!

У Харта невольно загорелись глаза.

– Вы имеете в виду таинственную страну Эльдorado? – воскликнул он. – Там, где золотые слитки валяются под ногами, как простые булыжники?!

Улыбка опять тронула тонкие губы Хансена.

– Признаться, я ни разу не видел этой таинственной страны, – сказал он спокойно. – Даже не знаю, как туда добраться. Полагаю, что это вообще выдумки. Однако в тех краях и без Эльдorado человек с головой может сколотить состояние. Но мы поговорим об этом позже, а сейчас лучше выбраться на палубу. Не слишком приятно сидеть в деревянном ящике, правда? А через неделю это будет просто невыносимо. Но деваться некуда. У меня тоже скромная каюта, – он постучал кулаком в деревянную стенку. – Там, за переборкой. А с другой стороны – винный погреб нашего капитана. Неплохо, да? Почти Эльдorado. Хотя для нас столь же недостижима. Выдам вам еще один секрет. С вашим земляком, капитаном Джоном Ивлином, мне довелось встречаться и раньше, и скажу вам, что такого педанта и скрягу еще поискать! В том, что касается дисциплины, он сущее чудовище. Особенно он не любит пьяных на корабле. И женщин. Присутствие очаровательной Элейны на борту для него настоящее испытание. Только золото ее папашы и интересы карьеры заставляют этого достойного мужа нарушить свои же правила. Видите, мы опять с вами заговорили о золоте! Скажите-ка лучше, как вам дочка?

– Мисс Элейна очень красива и получила воспитание, достойное настоящей леди, – сдержанно ответил Уильям.

К разговорчивому потомку Сима он не чувствовал никакой симпатии и вовсе не собирался делиться с ним самым сокровенным.

В ответ старший клерк и торговый агент по совместительству внимательно посмотрел на него и серьезно сказал:

– Вижу, что девушка произвела на вас впечатление! Да, у нее немало достоинств, это правда. Только настоящее чудо – это ее огромное приданое, предназначенное тому везунчику, который станет ее мужем. Но еще большим чудом будет, если старик решится отдать это приданое постороннему человеку. Понимаете меня? Ни вы, ни я претендовать на руку этой леди не сможем, потому что банкир готовит ее для такого же денежного мешка, как и он сам. Увы, так принято в этих кругах, дорогой Уильям! Романтические порывы здесь не в почете. Однако довольно! На воздух! Скорее на воздух!

* * *

Уильяму было над чем поразмышлять, когда, облокотившись о планшир и подставив лицо сырому с терпким запахом ветру, он смотрел на уплывающие в утренний туман верфи

Плимута. К тому же он уже слишком заждался этой минуты – минуты, когда перед ним откроется необъятный простор без конца и без края. Ему казалось, что это будет похоже на второе рождение. Но теперь не только это волновало его. Слова Хансена все еще звучали в его ушах.

Значит, судьба очаровательной дочери Абрабанеля давно предопределена и расписана как по нотам и даже робкие мечтания, смутившие душу Уильяма, оказывались с самого начала бесплодными, как выжженная солнцем земля Аравийской пустыни. Его непоседливый дядя Роберт бывал в тех краях и с большим чувством описывал их суровую красоту – Уильям представлял себе все так ясно, будто видел своими глазами.

Нежное лицо Элейны он мог увидеть еще яснее – стоило только повернуть немного голову. Она также с большим любопытством наблюдала за тем, как растворяются за кормой судна холмистые берега.

Легкую печаль прощания помогал Элейне развеять ее соотечественник. Якоб Хансен тоже был здесь и своими отвлеченными речами скрашивал дочери Абрабанеля разлуку с землей. Уильяму вряд ли удалось бы сделать это так же естественно и убедительно: он и посмотреть-то лишний раз на девушку не решался, хотя все основания для этого у него были. Ни отца красавицы, ни ее служанки рядом не было. Давид Малатеста Абрабанель, давно пресытившийся путешествиями, занимался делами в своей каюте. Кэтрин также была занята. Уильям уже знал, что семейство банкира располагалось в довольно уютных помещениях, находившихся рядом с каютой капитана, – его пока туда даже не приглашали.

– Ставить паруса!

Повинуясь капитану, засуетились матросы, шкотами притягивая к нокам марсели на фок– и грот-мачтах. Один за другим паруса наполнялись ветром. «Голова Медузы» направилась в открытый океан.

– Круче держать!

Притянув нижние паруса к бортам, матросы брасами разворачивали реи, чтобы судно легло на нужный галс.

И, будто нарочно, в тот же самый момент из-за горизонта вынырнуло солнце. Пожалуй, еще ни разу в жизни Уильям не был участником столь величественного действия: бескрайнее, играющее золотыми брызгами море, белые чайки, парящие над сапфирово-синей водой, упругие крылья парусов над головой, несущие корабль, словно по воздуху, вслед за свежим утренним ветром, покачивающаяся под ногами палуба, брызги от врезающихся в корпус волн, и, словно ожившая, наводящая трепет резная фигура на носу флейта – Медуза Горгона с развевающимися золочеными змеями вместо волос, со сверкающими на солнце стеклянными глазами.

– Проводите меня в каюту, Якоб! – вдруг негромко сказала Элейна, поднося свои тонкие бледные пальцы к груди. – У меня кружится голова!

– Это с непривычки, – сочувственно заметил Хансен. – Позвольте предложить вам руку, судырыня! Обопритесь о нее и дышите глубже – вам будет легче.

Уильям оторвался от зрелища океана и с тоской проследил, как удаляются на корму его спутники. С этого момента он начал завидовать Хансену черной завистью. Тот, несмотря на собственное предупреждение, кажется, был всерьез настроен играть при девушке роль верного оруженосца, а возможно, и рассчитывал при этом на нечто большее. Уильям, который с каждой минутой все яснее видел в Элейне единственную родственную душу, начинал терзаться муками ревности, без малейшего, впрочем, повода, потому что дочь банкира почти не обращала на него внимания. Уильям терзался этим, но одновременно со свойственным всем влюбленным безрассудством находил удобные для себя объяснения такому поведению. Он вспомнил и про скромность девушки, и про легкое недомогание, которое, безусловно, помешало ей оценить нового знакомого по достоинству.

Между прочим, очень скоро, к своему стыду, Уильям обнаружил, что и сам в большой степени подвержен приступам морской болезни. И по мере того как они уходили все дальше в

открытый океан, а качка делалась все ощутимее, Уильям чувствовал себя все хуже, так что в конце концов, совершенно обессиленный, был вынужден слечь в своей келье. Он был так плох, что не имел сил укорить себя за тот неверный шаг, который совершил, покинув холмы родного Корнуэлла. Он даже толком и не попрощался с берегами Альбиона, когда корабль проплывал мимо них: было не до этого. Уильяму казалось, что «Голова Медузы» влечет его напрямик в царство мертвых, откуда не будет возврата.

* * *

Так прошла первая неделя плавания, и, когда Уильям окончательно решил распрощаться с бранным миром, вдруг оказалось, что морская болезнь прошла и он чувствует себя превосходно, как будто заново родился. Он еще ощущал слабость, но у него появился зверский аппетит и в нем опять проснулась жажда жизни.

Более того, на почве общего недомогания ему удалось довольно быстро сблизиться с Элейной, и между ними стали завязываться продолжительные беседы, касавшиеся не только головокружения и сердцебиений, но и более приятных тем. Как выяснилось, она тоже никогда не бывала в далеких краях и ждала от путешествия очень многого. Душа у нее была чувствительная и романтическая, но все же кровь многих поколений ростовщиков давала о себе знать. Элейне в путешествии представлялись приятными не только яркие впечатления, но и возможная выгода. Девушка рассуждала о торговых операциях и процентах прибыли с убежденностью и азартом знатока.

Уильяму трудно было с ней в этом тягаться, и он обычно старался направить разговор в более сентиментальное русло. Однако купеческая стихия постепенно захватывала и его. Он стал прислушиваться к разговорам, которые вели между собой Абрабанель, капитан и Хансен.

Порой эти разговоры были очень поучительны. Но, по правде сказать, несмотря на все старания и благое намерение поднабраться опыта, Уильяму быстро наскучивали рассуждения о цене перца и преимуществах крупных торговых экспедиций и он опять искал общества прекрасной Элейны. С каждым днем их беседы становились все свободнее, ведь очень малой степени надежды на взаимность достаточно, чтобы вызвать любовь.

Прошло две недели. В тот день Уильям, как обычно, присоединился к Абрабанелю и Хансену, которые с важным видом прохаживались вдоль правого фальшборта и о чем-то спорили. Над Атлантикой ослепительно сверкало солнце. Было так жарко, что даже близость огромной массы воды не могла смягчить палящий зной. Из-под черного парика на лоб Абрабанеля скатывались крупные капли пота. Он не обращал на них никакого внимания и, грозно покачивая пальцем перед носом у Хансена, убеждал его:

– Поверьте мне, дорогой Якоб, я знаю, что говорю! Торговля – дело несложное, но без должной смекалки не обойтись. И нужен твердый характер. Если бы не два этих условия, торговать мог бы даже ребенок. Другое дело – капитал. Чтобы приумножить его, одной торговлей не обойтись. В делах важна политика. Вы должны видеть все на пять шагов раньше конкурента. Должны использовать любой, даже самый незначительный, шанс, чтобы ослабить соперника и подняться самому!

Это, конечно, талант, Якоб, но многое приходит с возрастом... Увы, мы платим за мудрость самыми недолговечными и приятными вещами: надеждами, мечтами... Но оно того стоит! – убежденно воскликнул он, заметив приближающегося к ним Уильяма. – А вот и наш молодой друг! Кажется, он готов оспорить мои выводы, и, черт меня побери, он будет по-своему прав! Как почивали, Уильям? Снились ли вам прекрасная старая Англия?

Уильям поздоровался и признался, что не помнит своих снов.

– Простите, сэр, – тут же решился задать он давно волновавший его вопрос. – Но вы много раз повторяли, что крупные торговые экспедиции выгоднее одиночного плавания, подобного нашему. Но тогда почему...

– Вы хотите спросить, почему у нас теперь такой скучный рейс, почему мы одиноко бьемся на этой скорлупке посреди океана и какая нам, черт побери, будет от этого выгода? – живо спросил его патрон. – Действительно, если бы мы снарядили флотилию и отправились к берегам Гвинеи за черными рабами, то это было бы весьма выгодное и поучительное предприятие.

Если бы у меня в распоряжении были хотя бы три быстрые шхуны, оснащенные даже кулевринами, то мы могли бы провести время с большой пользой, занимаясь каперством в тех краях, куда мы сейчас направляемся, и попробовать разжиться испанским серебром. Мы могли бы на обратном пути взять полные трюмы сахара и табака. Все это верно. Но бывают обстоятельства, когда имеет значение не сиюминутная выгода. Я уже говорил об этом нашему капитану и повторяю это вам. Сейчас мы направляемся в Новый Свет с особенной миссией. О сути ее вы узнаете позже, потому что так уж устроил наш мир Всевышний: истина открывается нам не сразу, а в результате долгих и упорных трудов... В аптечных дозах, так сказать.

Уильям не успел хорошенько вдуматься в значение туманных изречений своего благодетеля, как вдруг произошло событие, которое вытеснило из его головы все прежние мысли.

Уже более месяца не видели они в океане ни единой живой души, кроме акул, чьи спинные плавники то и дело разрезали воду, и резвящихся на волнах дельфинов. Такое обстоятельство очень не нравилось молодому поколению – Уильяму и Элейне, которым хотелось новых впечатлений, и очень радовало капитана, да и старика-банкира тоже. Джон Ивлин выразился по этому поводу, что будет счастливейшим человеком в мире, если они дойдут до места, не увидев чужой парус на расстоянии ближе пяти миль.

До сих пор его надежды, кажется, сбывались. Но сегодня, около пяти часов пополудни, они были сокрушены хриплым криком марсового с грот-мачты:

– Человек за бортом!!

И сейчас же последовала команда капитана:

– Спустить шлюпку на воду!

Глава 2

Могущество тени

Голландские Генеральные штаты. Амстердам

Несмотря на весну, в Амстердаме было все еще холодно. От каналов Званенбургвал и Ньиве-Херенграхт тянуло сыростью и затхлой вонью.

В квартале Йоденбрестрат⁹, недалеко от новой португальской синагоги, где гнили самые большие свалки, на которых плодились самые крупные крысы, и где бедные лавчонки соседствовали с домами богатейших пайщиков обеих индских компаний, в одном из неприметных домов под красной черепицей, чьи стены были покрыты белой штукатуркой, а выступающие наружу дубовые фахверки¹⁰ успели потрескаться от ветров и дождей, собралось небольшое, но крайне влиятельное общество.

В доме раввина Соломона Оливейры собрался самый уважаемый *миньян*¹¹ амстердамской общины сефардов, перебравшихся сюда – подальше от испанской и португальской инквизиции.

Они пришли в дом ребе для того, чтобы после общей молитвы о благе всей общины обсудить самые насущные вопросы, напрямую затрагивающие интересы диаспоры и их братьев в Англии и Франции. Среди этих почтенных людей были и представители цеха алмазных гранильщиков, и купцы-пайщики Вест-Индской компании, и банкиры¹², еще совсем недавно именовавшиеся менялами и ростовщиками и избравшие это самое ненавидимое и презируемое занятие своим ремеслом. И если бы кто-то из этих десяти людей умер, то оставшимся не пришлось бы долго кричать: «Нам нужен десятый для миньяна!», любой среди множества штиблах мечтал войти сюда.

Причиной и неурочной молитвы, и тайного собрания послужил приезд из Лондона их уважаемого собрата, гранильщика алмазов и банкира Давида Малатеста Абрабанеля, который привез важные сведения, коими и собирался поделиться в этом закрытом кружке единомышленников.

В неровном свете оплывающих свечей несколько немолодых мужчин, одетых в коричневые суконные кафтаны с белыми воротниками, словно сошедших с полотен Рембрандта, склонились над дубовым столом, покрытым тяжелой скатертью темно-фиолетового бархата, расшитого пурпурными цветами. Драгоценные бокалы венецианского стекла с остатками рубиновой влаги были сдвинуты в сторону, на бело-голубой тарелке делфтского фарфора лежали нетронутые персики и апельсины, во мраке тонули мерцающие каплями росы свежие тюльпаны в серебряной вазе. Резкий контраст света и тени причудливо искажал лица собравшихся, превращая слабые морщины в глубокие складки, бороды – в черные пятна, кафтаны – в хитоны и ризы, а их тени на стенах – в призраков давно минувших времен.

Они говорили тихо, ибо *не толкуют законов о кровосмешении трем, но толкуют двум; не толкуют рассказа о сотворении мира двум, но толкуют одному, а Колесницу толкуют одному лишь в том случае, если он ученый и понимает по собственному разумению*. И странен был их язык – язык, в котором явлены лишь согласные, а гласные скрыты, язык, который берег себя как зеницу ока, превращая в плевелы чужие наречия и кощунствуя над их святынями; язык, на котором шепчутся с тех самых пор, как воскликнули на нем: «Распни Его!»

⁹ Современных Ватерлооплейн и Мейстер-Виссерплейн.

¹⁰ Фахверк – выступающая наружу деревянная балка.

¹¹ Миньян – молитвенная община, состоящая из 10 мужчин.

¹² Кстати, слово «банкир» произошло от «банко» – венецианского названия столика, на котором менялы раскладывали свои деньги.

Их головы покрывали круглые черные шапочки-кипы, их бороды, в этот век босых лиц, ложились на груди, а из-под их камзолов торчали шелковые кисти-цицит, напоминая о заповедях Торы и помогая преодолевать запрещенные страсти.

– Итак, братья, я не могу умолчать о том, что король и консервативно настроенная часть знати сильно обеспокоены усилением нашего капитала и тем влиянием, которое приобретает наша компания в торговле с английскими, испанскими и французскими колониями по ту сторону обоих океанов. Карл Второй, венценосный недоумок, симпатизирующий католикам и живущий на подачки своего французского родственника, вполне способен прислушаться к иезуитам, этим бешеным лисицам Ватикана, и разрушить наши далеко идущие и с таким трудом построенные планы по созданию в Европе торгового и политического сообщества, которое мы бы держали в руках при помощи наших займов, наших министров и нашего книгопечатания.

– Но, брат Давид, ты же помнишь, что войны, которые ведет этот жеребец, нам немножко на руку, ведь все королевские займы на их ведение как со стороны Нидерландов, так и со стороны Британии даем мы, – сказал самый молодой из присутствующих, Йосеф Зюсс по прозвищу Оппенгеймер, знаток чисел и математики, чьи волосы еще не посеребрили годы, а глаза глядели живее, чем у других.

– Зачем нам независимая Англия, если ее независимость будет куплена нашими деньгами? – спросил, воздев глаза к шкафу со свитками Торы, великий знаток «Шулхан Арух» Моше Каро, знавший наизусть законы молитвы и праздников, упражнявшийся денно и ночно в законах брака и развода, разбирающийся в еврейском гражданском праве и наставляющий в благотворительности, кашере и трэфовом.

– Хуже Франции для нас сегодня ничего нет. В Англии власть короля ограничил парламент, и сынок, поломавшись, подписал «Хабеас корпус акт» на том самом месте, где срубили голову его папаше. Тем более они как никогда нуждаются в нас: их *кедешот*¹³ не на что покупать себе драгоценности. А во Франции есть Кольбер, и, пока он жив, пока к нему прислушивается Луи, наши братья не доберутся до него. Там Церковь и иезуиты наложили руки на колониальную торговлю. Франция – вот наш истинный враг.

– В погоне за врагами не стоит терять возможных друзей. *Ибо нет человека, у которого не было бы своего часа.* Небольшая война была бы нам на руку, но проклятый Карл ни за что не будет воевать с Людовиком. Он скорее нападет на Голландию.

– Тише, тише, прекратите же этот гевалт, – Абрабанель взмахнул ручками и от волнения расстегнул с десяток пуговиц на камзоле. – Я же не успел рассказать вам самое главное.

– Дайте же сказать нашему *штадланам*¹⁴, знающему нужды наших братьев и предстоящему за нас на острове, – сказал ребе, прикрыв морщинистые, пожелтевшие от размышлений веки и сложив перед собой руки, похожие на корни деревьев.

Собрание с трудом успокоилось и вернулось в свои глубокие кресла.

– Один из ювелиров, у которого заказывает свои драгоценности *кедешот* короля Нелли Гвин, кое-что услышал об одной тайной экспедиции, которая должна была принести Карлу нужные ему деньги и укрепить позиции Англии в Новом Свете. Возглавил ее некто Рэли...

– О, я помню этого Рэли. Это тот сынок своего папаша...

– Да нет, не тот. Тот сидит себе губернатором на Джерси и думает только о разведении свиней. Этот же – внук Уолтера Рэли, того бродяги, который научил англичан сажать картофель и курить табак. Так вот, я привез из Лондона одну занятную вещь, которую наша умная девочка Роза позаимствовала из спальни мисс Нелли... – Абрабанель вынул из кармана

¹³ Кедешот – публичная женщина, шлюха.

¹⁴ Штадланам – евреи, представляющие интересы своих соплеменников перед внешними властями.

небольшой пакет и, не спеша развернув кусок телячьей кожи, извлек на свет книжку размером с ладонь. – Не бойтесь братья, это *кашерно*.

Ребе осторожно придвинул ее к себе и, откинув переплетную крышку, прочел вытесненные красным на титуле большие буквы: «Уолтер Рэли, капитан стражи Ее Величества. Путешествие в Гвиану».

– Что, мой мальчик, это такая ценная книжка? Или мы теперь будем ее печатать и торговать ею?

– Да нет. Просто эта книжонка занимает сейчас самые великие умы Старого Света. Жаль только, что в ней не хватает самой малости – карты сокровищ, которую составил сэр Рэли, надеясь купить себе жизнь. Но Яков был редкий дурак, и сокровища остались лежать там и по сей день. Сейчас карта у незаконнорожденного внука капитана – Роджера Рэли, и мы должны найти его любой ценой. Скорее всего, искать придется где-нибудь в Новой Испании...

– Вот и не надо оставлять их там больше! – вскричал Йосеф Зюсс и хлопнул по столу ладонью. – Нужно перехватить этого джентльмена и как следует спросить у него: может, он скажет, где лежит золото?

– Нам не нужно их золото, – тихо произнес Соломон Медина¹⁵ и дотронулся до *цицит* пальцами с очень коротко остриженными ногтями, – золото у нас есть, да и то, которого нет, притечет к нам, ибо *подобное притягивает подобное*. Нам нужно, чтобы наш добрый гой Вильгельм сидел бы на их троне и подписывал все бумаги, которые будет приносить к нему наш уважаемый *ишадланим*. Кромвель вернул нам эту землю, на которой наших ног не было триста лет, и мы не уйдем с нее больше.

Все посмотрели на ребе, и ребе Оливейра кивнул.

– Значит, мы снарядим корабль, и наш брат Абрабанель поплывет туда. Он встретится с Ван Дер Фельдом, которого мы отправили искать испанское золото и разведывать новые земли. Заодно он передаст для общин Барбадоса, Ямайки и Кюрасао *кое-что* к будущей Песах и поговорит с тамошним губернатором, который взял у нас немножко чужого.

– Да будет так, – кипы и бороды согласно кивнули.

Ребе поднялся и, дотронувшись рукой до прикрепленной ко лбу черной коробочки-*тфилин*, произнес:

– *Шма исраэль, Ад-най Элокейну, Ад-най эхад*.

– *Благословен Г-сподь наш Б-г, Царь вселенной, чьим словом все сотворено*, – откликнулись остальные, и свечи, прогоревшие почти до основания, были задуты.

¹⁵ Соломон Медина – иудей, ставший советником будущего Вильгельма Третьего в денежных делах и получивший за эти и другие услуги титул рыцаря впервые в истории Британского королевства.

Глава 3

Спасение потери превышает...

Атлантический океан

Это чрезвычайное происшествие вызвало на корабле переполох, собрав на палубе и отдыхавших матросов, и праздных пассажиров. Выскочил даже кок с дымящимся черпаком наперевес. Разумеется, прибежала и Элейна со своей камеристкой. В толпе Уильям вдруг оказался совсем близко к ней. Ощувив случайное прикосновение ее груди к своему плечу, он взглянул на нее с любовью и восхищением. Их глаза встретились, и они оба покраснели. Взгляды, это великое оружие добродетельного кокетства, удобны тем, что выразить ими можно даже больше, чем словами, а между тем от взгляда всегда можно отречься – его невозможно ни повторить, ни пересказать.

Корабль тем временем ложился в дрейф: одни матросы ставили паруса на фок-мачте по ветру, а другие брасовали реи грот-мачты против ветра. Несколько человек бросилось к укрытым шлюпкам, готовя их к спуску на воду.

В двух кабельтовых¹⁶ от корабля покачивался на волнах обломок мачты, к которому был привязан человек. Вскоре шестеро матросов, дружно взмахивая веслами, уже приближались к нему на корабельной шлюпке.

От любопытства публика затаила дыхание.

Когда матросы вплотную приблизились к несчастному, один из них нырнул в воду и, взобравшись на мачту, обрезал веревки, держащие тело. Бездыханного человека, с трудом перевалив за борт, уложили в лодку и погребли назад.

Экипаж и пассажиры в нетерпении столпились на носу вокруг бесчувственного тела, которое матросы перенесли на палубу.

С первого взгляда невозможно было понять, жив незнакомец или уже умер. Держаться на воде ему помогал обломок мачты, к которому он был привязан. Однако привязался ли он каким-то образом сам или же кто-то позаботился об этом раньше, оставалось неясным. Из одежды на несчастном была лишь порванная нижняя рубашка и грязные, потерявшие цвет кюлоты – все мокрое и заскорузлое от соли.

Капитан приказал команде расступиться и пропустить вперед судового врача. Тот выступил из толпы и, опустившись на колени рядом со спасенным, попытался нащупать у него пульс, а затем просто приложил ухо к его груди. Потом, после беглого осмотра, он извлек из-за пазухи мужчины небольшой кожаный мешочек, туго перевязанный шелковым шнурком. Свою находку доктор с видимым сожалением передал капитану и снова склонился над утопленником.

– Он жив, но слишком слаб.

Доктор несколько раз нажал на грудную клетку бедняги, затем раскрыл ему рот и сквозь носовой платок принялся вдыхать в легкие воздух. Потом быстро перевернул незнакомца на бок. Из его рта потекла мутная слюна.

– Рому! – приказал доктор.

Волшебное снадобье хранилось в кают-компании, и вскоре в руках эскулапа оказалась небольшая бутылка. Он приложил ее к посиневшим губам спасенного и силой влил в рот пару глотков. Мужчина мотнул головой, дернул кадыком и застонал.

¹⁶ Кабельтов – 1) корабельный трос 5–10 см в поперечнике; 2) мера длины на море – 185,2 м.

– Унесите его в свободную каюту и положите на койку, – скомандовал доктор. Матросы переложили больного на кусок парусины и унесли.

Элейна с испугом проводила их глазами.

– Господин доктор, он будет жить? Он ранен?

– На все воля Божия, – ответил врач и вытер руки платком. По его лицу в мелких бисеринках пота трудно было разобрать, была ли сия воля направлена к жизни пациента или к смерти.

– Но все-таки?

– Мужчина не ранен – всего лишь нахлебался соленой водички и обессилел. Ему нужен отдых, пресная вода и бульон. Надеюсь, я удовлетворил ваше любопытство, мисс? – доктор вскинул на девушку глаза и посмотрел на нее сквозь очки, с трудом держащиеся на носу.

– Благодарю вас, – ответила Элейна спине эскулапа.

– По моим наблюдениям, доктора в основном философы, – Уильям подошел поближе и, набравшись смелости, предложил ей руку. Девушка после минутного колебания оперлась на нее, и они вернулись к фальшборту. – Лекарям нельзя волноваться: это вредит пациентам.

Элейна улыбнулась.

Из камбуза тянуло чем-то вкусным, солнце уже клонилось к закату, и неожиданно повеяло прохладой. Уильям вдруг преисполнился ощущением счастья и радости. Безмятежная гладь океана простиралась вокруг, и уже ничего не напоминало о той трагедии, свидетелями последнего акта которой они едва не стали.

– Знаете, Элейна, мне кажется, люди живут именно для таких минут.

Он посмотрел на нее, и взгляды их встретились. Непроизвольно он сжал ее пальцы и ощутил легкое пожатие в ответ. В следующую секунду она высвободила руку и, сославшись на усталость, ушла. Уильям восторженно глядел ей вслед.

Каюта, куда отнесли незнакомца, оказалась как раз напротив каюты Харта. Дверь в нее была распахнута, и прямо на краю койки рядом с больным восседал доктор. Уильям, поколебавшись, протиснулся внутрь и предложил свою помощь. В проеме уже толпились мучимые любопытством матросы.

Неизвестно, удалось ли доктору еще как-то повлиять на самочувствие спасенного, но, видя, что тот никак не придет в себя, он после некоторого раздумья применил к своему пациенту второе – простое, но испытанное – средство, то есть хорошенько отхлестал его по щекам, приведя тем самым, к удовольствию экипажа, несчастного в чувство.

Оживший утопленник пошевелился, раскрыл мутные глаза и огляделся, встретившись взглядом с Уильямом. Запекшиеся губы дрогнули, и какой-то странный полусшепот сорвался с уст мужчины.

– Пить просит! – авторитетно сказал кок, который бросил обед на помощника и отирался у двери.

Но Уильям, находившийся совсем близко, отчетливо слышал, что незнакомец ни слова не сказал о воде. А сказал он совсем другое, и это сказанное было так необычно, что Уильям сначала даже не поверил своим ушам.

– *Спасение потери превышает...*

К удивлению Харта, мужчина сопровождал свои слова слабой и несколько болезненной усмешкой, как бы подтрунивая над самим собой.

Сомнений не было: едва придя в себя, этот странный человек цитировал Шекспира! Было время, Уильям сильно увлекался сочинениями своего прославленного тезки и видел многие его пьесы. Однако он не умел с такой легкостью вплетать слова поэта в свои рассуждения, и уж вряд ли бы он вспомнил о них, когда его, полуживого, извлекли бы из пучины. Нет, безо всяких сомнений, спасенный был незаурядной личностью!

Оказавшись в каюте, Уильям смог в подробностях рассмотреть нечаянного гостя, посланного им морской стихией, пока тот снова провалился в забытие, откинувшись на тюфяке. Испорченную одежду с него уже сняли, так что он лежал обнаженный, прикрытый по пояс вышитым атласным одеялом, которое наверняка одолжила ему мисс Элейна.

На вид мужчине можно было дать лет тридцать, он был худощавого телосложения, но с хорошо развитой мускулатурой. На лице его, покрытом бронзовым загаром, выделялся крупный нос с горбинкой, отчего в профиль он напоминал хищную птицу. Был он черноволос, и мокрые пряди были туго стянуты на затылке в косичку. С удивлением Харт отметил, что мочка его правого уха была проткнута, как если бы незнакомец носил серьгу. Широкие сильные плечи и безупречный рельеф груди выдавали в нем опытного фехтовальщика, тело украшали несколько глубоких шрамов. На шее его, на шнуре, сплетенном из черных волос, болтался оловянный крестик в дюйм величиной, необычной квадратной формы, с лучами, расширявшимися от центра. Уильям уже видел такие кресты раньше, на кладбище в Корнуэлле. Они были выточены из камня и почти раскрошились под действием мха и непогоды.

Вскоре Уильям услышал брань капитана, ругающего матросов за безделье. Харт обнаружил, что доктор незаметно исчез, а он в одиночестве остался рядом с тяжело дышавшим мужчиной. На висках и лбу спасенного выступил пот, грудь тяжело вздымалась, из горла рвался хрип.

Уильям сходил к себе, взял подушку, платок, флягу и вернулся обратно. До самого обеда он просидел рядом с незнакомцем, вытирая ему пот и освежая губы и лицо водой.

Вдруг мужчина громко застонал, почти закричал, замотал головой, словно отгоняя от себя какое-то страшное видение.

– Ведьма, белая ведьма, – прохрипел он.

Харт приподнял ему голову, ощутив, каким жаром от нее веет, и влил ему в рот немного воды. Мужчина с жадностью выпил и открыл глаза.

– Это она во всем виновата, – произнес он. – Эта проклятая ведьма. Она стала морской ведьмой, понимаешь?

– Конечно-конечно, понимаю, – пробормотал в ответ Харт и аккуратно подправил свою подушку под головой незнакомца. – Вам надо спать. Я вскоре загляну еще, а пока спите. Вы здесь в безопасности.

За обедом Харт ни словом не обмолвился о бреде незнакомца и вообще не стал поддерживать разговор на эту тему, хотя его так и распирало любопытство.

Ближе к ночи горе-утопленник пришел в себя и попытался подняться. Харт услышал грохот и, поспешив в соседнюю каюту, застал незнакомца лежащим на полу – точь-в-точь как и он сам в начале плавания. Харт помог ему подняться и уложил обратно на койку, заботливо прикрыв одеялом.

– Поскольку нас некому представить друг другу, позвольте мне назвать себя самому, – вдруг просипел спасенный и закашлялся. – Меня зовут Фрэнсис, сэр Фрэнсис Кроуфорд. Я должен поблагодарить вас за участие.

– Уильям Харт, эсквайр, сэр. Я рад, что мне удалось хоть в чем-то помочь вам. Слава богу, что наш корабль не лег на другой галс и нам удалось спасти вас.

– Пустяки, – просипел сэр Фрэнсис и зашелся в новом приступе кашля. – Похоже, моя глотка здорово пересохла. Нет ли у вас чего-нибудь полезительного для нее, например рома или виски?..

Харт улыбнулся:

– У меня есть немного джина, я везу его аж из Англии. Сейчас принесу.

Харт был искренне рад, что сэр Фрэнсис пришел в себя. Ему отчего-то сразу понравился этот странный человек с черными глазами, в которых таились искры безумия. Было в нем

что-то авантюрное, то самое, ради чего Уильям сбежал из дома. И совсем не чувствовалось торговой жилки, от которой Уильям уже малость подустал, общаясь со своими спутниками.

Уильям вытащил из своего сундучка серебряный стаканчик и небольшую бутылку, тщательно обернутую в тряпицу, затем быстро вернулся в каюту сэра Фрэнсиса и плотно запер за собой дверь.

– Видите ли, сэр Фрэнсис, несмотря на то что по уставу наш капитан должен выдавать матросам каждый день полпинты рома на человека, сэр Джон Ивлин совсем не выносит пьющих людей. И... в общем, у меня всего один стакан.

– А кто любит пьющих, когда сам не пьет? – Кроуфорд поскреб подбородок с отросшей щетиной. – Но стакан – это здорово, я не брезглив. И можете звать меня просто Фрэнсис, тем более мы с вами уже пьем из одной посуды.

Они по очереди выпили и с интересом уставились друг на друга. Уильям Харт, не будучи матросом,пил джин, кажется, второй раз в своей жизни. Первый раз был не совсем удачен.

Кроуфорд же опрокинул в себя огненную влагу с легкостью пьяницы, и лишь в глазах его заплескалось еще больше странных огней.

В общем, бутылку они прикончили за час, громким шепотом обсудили свинячью голландскую лохань, которая еле тащилась по соленой луже, и так же шепотом со слов сэра Фрэнсиса затянули пиратскую песню:

*Никнут вражьи вымпела,
Ставьте парус, ставьте парус!
Нас с купцами смерть свела.
В пасть акулам их тела!
Ставьте парус!*

– Знаете, Фрэнсис, я всегда мечтал найти сокровища!

– Как, и вы тоже? Какое совпадение... Жаль, что я утерял свой кошелек, а то бы я добавил...

Уильям не очень хорошо понял сэра Фрэнсиса и продолжал:

– Именно для этого я и отправился в плавание! Ведь если человек пожелает чего-нибудь по-настоящему, он этого непременно достигнет!

Фрэнсис поднял на юношу покрасневшие глаза, в которых промелькнуло какое-то странное выражение.

– Вопрос в том, юноша, что мы решительно не знаем, чего желает наше сердце на самом деле. А Провидение отвечает только на истинный зов. Иногда думаешь, что хочешь счастья, а оказывается, что руки у тебя по локоть в крови.

– Но что дурного в том, что ты хочешь разбогатеть? Разве плохо мечтать о богатстве? Разве невозможно найти сокровища индейцев, зарытые пиратами?

Кроуфорд пристально взглянул Харту в глаза, словно пытаясь разглядеть, нет ли в словах юноши какого-то второго смысла. Но, ничего не увидев в них, кроме горячего вопроса, прошептал:

– А вам не приходило в голову, мой пылкий друг, что праведного богатства не бывает? Что все золото под небесами принадлежит дьяволу и он вряд ли поделится им с теми, кто не послужит ему хоть немного?

– А вы верите в дьявола?

– Я видел, как он ловит людей! – Ответил Кроуфорд и, горячась, возвысил голос: – Я видел десятки погибших кораблей и тысячи утонувших людей, которых с жадностью пожирала акулы. Я видел разбросанные по морскому дну золотые слитки и распахнутые сундуки с золотом и бесценными камнями, я видел, как люди, будучи не в силах вырвать у океана его добычу, сходили с ума и тонули, сжимая в руках золото, я видел... О Уильям, Фортуна никогда ничего не делает даром.

Кроуфорд откинулся на подушку и закрыл глаза. Его загорелая кожа посерела, на висках снова выступил пот.

– Сэр, вам плохо?

– Прости, мой друг, пожалуй, на сегодня мне хватит. Жаль, что со мной нет моего кошелька, – снова произнес он.

– Если вы о том кожаном мешочке, который нашли на вас, то он у капитана.

– Да? – внезапно оживился Кроуфорд. – Так это прекрасно. Вы поистине приносите с собой удачу, Уильям. Ну идите, идите, вам тоже надо лечь. Кажется, мы оба перебрали сегодня.

Пошатываясь, Харт добрался до своей койки и рухнул на нее, не снимая камзола и башмаков. В голове его призывно распахнутые пасти сундуков превращались в акульки, мертвецы сжимали в костлявых пальцах жемчужные ожерелья, и над всем этим властвовал хриплый шепот Кроуфорда:

– Ставьте парус, ставьте парус!

На третий день, благодаря то ли пощечинам доктора, то ли рому Харта, то ли улыбкам зачавшей к больному камеристки, незнакомец вполне оправился, поднялся с койки и, будучи переодет в столь же любезно предоставленное все тем же Хансеном платье, явился перед обществом весьма интересным мужчиной с прекрасными манерами и даже с намеком на аристократизм.

– Да, дорогой Якоб, если бы человек мог предвидеть свое будущее, вы, несомненно, захватили бы с пяток лишних костюмов, – заметил Абрабанель вполголоса, впервые увидев незнакомца на палубе после того, как того вытащили из воды.

Кроуфорд, как и Харт, щеголял по палубе, демонстрируя свои собственные тронутые кое-где сединой волосы, но эта деталь почему-то лишь подчеркивала великолепную манеру держаться и необычайную уверенность, сквозившую в жестах и словах этого странного человека.

Толком ничего не зная о Кроуфорде, Уильям уже восхищался им, хотя к восхищению примешивалась и толика ревности при виде внимания, которого тот удостоился у прекрасной Элейны. Ее женская натура не могла не ощущать тех чар, которые исходили от мужественного да вдобавок столь великолепно воспитанного аристократа. Любая его поза сделала бы честь гостиней мадемуазель де Монпасье, а речь – литературному салону мадам де Лафайет.

Элейна, никогда не бывавшая при дворе и не принятая в аристократических домах, как губка впитывала его болтовню, а остроты Кроуфорда не раз заставляли девушку восхищаться знанием человеческой природы и ее пороков, которое проявлял спасенный.

Сэр Фрэнсис Кроуфорд к тому же оказался превосходным биографом. Свою печальную историю он поведал на общем обеде, который устроил господин Абрабанель в честь счастливого избавления Кроуфорда от неминуемой гибели.

Оказалось, что знатный англичанин стал жертвой пиратов. Рассказ его был полон драматизма и звучал как предупреждение.

– Мы вышли на «Утренней звезде» с Ямайки и следовали в Кадикс, – поведал он за общим столом. – До Барбадоса нас провожали два военных линейных корабля. Но потом по не зависящим от нас причинам нам пришлось расстаться и продолжать путь в одиночестве на свой страх и риск. Это было не совсем разумное решение, но, по-видимому, наш капитан был большой фаталист. Он решил во всем положиться на судьбу, забыв, что «судьба с злодеями в союзе». Одним словом, когда Наветренные острова растаяли у нас за кормой, на горизонте объявился парус. По прошествии некоторого времени стало ясно, что неизвестный корабль идет нам наперерез, и идет, как говорится, на всех парусах. Наш капитан, предчувствуя недоброе, лег в дрейф, желая пропустить подозрительное судно мимо. Но оно направлялось прямо к нам! И уже совсем скоро все мы с ужасом увидели на его фок-мачте черный пиратский флаг! Разумеется, у нас на борту находились мужчины, которые были готовы сражаться. Но наш капитан

оказался не только неблагодарен, но еще и трусоват. Он решил положиться на милость морских разбойников и сдать судно. Наверное, по-своему он был прав. «Утренняя звезда» была перегружена и плохо слушалась руля, команда тоже оставляла желать лучшего, а храбрецов, которые носили с собой оружие, вообще набралось не более десятка. Вероятно, мы в любом случае не могли бы оказать достойного сопротивления Черному Биллу, но, по крайней мере, мы могли бы встретить смерть, не позоря своей чести, как и полагается мужчинам!

В этих словах Харту, ближе всех знакомому с сэром Фрэнсисом и богатством его интонаций, послышалась легкая ирония, но Элейна, не сводившая глаз с Кроуфорда, невольно ахнула, а капитан, нахмурившись, тревожно переспросил:

– Вы имели несчастье встретить Черного Билла?! Что и говорить, не повезло! Ходят слухи, что от этого негодяя немногие уходили живыми. Но вы-то, похоже, родились под счастливой звездой, сэр!

Кроуфорд посмотрел на него, потом обвел взглядом всех присутствующих и произнес:

– *Не в звездах, нет, а в нас самих ищи причину, что ничтожны мы и слабы!..*

Однако, заметив недоуменные мины, с которыми отреагировали на Шекспира капитан, торговый агент и Абрабанель, он тут же легко рассмеялся и махнул рукой.

– Полагаю, что звезды сделали свое дело! – согласился он. – Но мне бы хотелось поблагодарить вас, господа! Если бы не ваш корабль и не зоркие глаза вашего марсового...

– Э-э, да что там говорить! – тоном старого брюзги перебил капитан. – Мы сделали то, что должны были сделать, сэр! Однако не могли бы вы точно назвать место, где на вас напал проклятый пират? Не хотелось бы повторить ошибку вашего капитана. Кстати, что с ним случилось?

– Увы! Он уже давно беседует с ангелами! – с неуловимой усмешкой в голосе ответил Кроуфорд. – Черный Билл был в тот день особенно не в духе. Дело в том, что «Утренняя звезда» шла с грузом сандала и какао и более ничего ценного на ней не было. Черный Билл не любитель возиться со сбытом добычи. Он пришел в неистовство и приказал затопить наш корабль. Но предварительно, по своему обыкновению, он повесил всех офицеров и заставил всех женщин прогуляться по доске. Да-да, это чудовище не пощадило ни одной! Знаете, его credo можно выразить достопримечательными словами из морского устава норвежского короля: «Для женщин и свиней доступ на корабль запрещен; если же они будут обнаружены на корабле, незамедлительно следует выбросить оных за борт». Он и на этот раз не отступил от своих правил... Прошу прощения, что не пощадил ваших чувств, милая мадемуазель Элейна, но таковы здешние законы. Отправляясь сюда, вы должны были знать, на какой риск себя обрекаете!

«О, она для него уже милая! – с отчаянием подумал Уильям. – И шпарит Шекспира как по писаному! Чертов щеголь! И как она на него смотрит... Плохи мои дела, а я самый несчастный человек на земле. Конечно, что ей за дело до меня: я ведь всего лишь малозаметная фигура в деловой свите ее влиятельного батюшки. Вот если бы нам пришлось встретиться с этим Черным Биллом, и тогда я...»

Рука Уильяма невольно потянулась к рукоятке шпаги, но тут же замерла, потому что он вспомнил, что оставил оружие в каюте. Он вспыхнул и быстро посмотрел вокруг, не заметил ли кто-нибудь его замешательства. Но всеобщее внимание было обращено по-прежнему на Кроуфорда, который продолжал свой рассказ.

– Вы спрашиваете меня, где это произошло, – обратился он к капитану. – Увы! Я не силен в навигации. Откровенно говоря, я вообще лишен каких-либо талантов, а имеющиеся так глубоко зарыты, что и... За что только я не принимался в жизни, и все кончалось полным фиаско! К счастью, я располагаю солидным состоянием, которое позволяет мне как-то примириться со своей жалкой участью. А в море меня потянула непоседливость моей натуры. В какой-то момент мне показалось, что в далеких краях мне улыбнется удача. Отчасти так и произошло, поскольку я не стал пищей для рыб, а, наоборот, сам вкушаю дары моря, пью великолепное

вино и наслаждаюсь столь изысканным обществом. Должен сказать, что, глядя на красоту и изящество мадемуазель Элейны, я даже начинаю испытывать благодарность к своему чумазому мучителю. Если бы не он, я не имел бы возможности выразить свое восхищение ее уму и грации... – эти слова были сопровождены изящным полупоклоном в сторону девушки, отчего та слегка зарделась и смущенно опустила глаза, а ее отец закашлялся и нетерпеливо сказал:

– Э-э-э, все это прекрасно, сэр, но в ваши годы человек уже должен крепко стоять на ногах и думать о своем предназначении, а не о пустяках, о которых простительно думать зеленому юнцу. Простите мне мой тон, сэр, но мы, старики, лучше разбираемся в таких вещах. И когда я вижу, что способный и сильный мужчина плывет по воле волн, вместо того чтобы взять в руки свою судьбу... Не откажите в маленькой услуге: загляните ко мне в каюту после обеда. У меня найдется бутылочка славного портвейна. Мы выпьем по стаканчику и поговорим о том, что может сделать в этих краях человек с головой и средствами...

Уильям видел, как Хансен слегка улыбнулся, опустив голову над тарелкой. Его явно забавляло желание Абрабанеля, отчаянно скучавшего без дела во время длительного плавания, немедленно втянуть в круг своих коммерческих операций свежего и не слишком искушенного в таких делах человека. Замечание Кроуфорда об имеющемся у него состоянии подстегнуло банкира.

Кроуфорд не возражал против беседы. Он почтительно наклонил голову, а потом встал.

– Прошу меня извинить, но мне хотелось бы как можно скорее переговорить с доктором. Кажется, он был первым, кто осматривал мое брэнное тело? Со мной была некая вещица, сопровождающая меня во всех странствиях. Было бы весьма прискорбно, если бы она потерялась.

Капитан невозмутимо оторвался от супа из акульих плавников и утер губы салфеткой.

– Ваш кошель у меня, – сказал он и встал тоже, поклонившись в сторону Элейны. – С ним ничего не случилось. По крайней мере внешних повреждений на нем не было. Внутри я, разумеется, не заглядывал.

– Что это, неужели талисман?! – оживилась Элейна. – Это так интересно!

– В тех краях, куда мы теперь с вами плывем, мисс Абрабанель, человеческая жизнь зачастую зависит от магов и жрецов, которые отчего-то выбирают для поклонения самых кровожадных и омерзительных идолов. Из этого я делаю вывод, что человек по природе своей в свободных обстоятельствах гораздо более склонен к жестокости, чем полагает даже ваш бедный Спиноза. Не просвещенный христианством дикарь, как и утративший христианство европеец, одинаковы в своей звериной жестокости и страстях.

– Нет, но... – попытался возразить отчего-то задетый за живое Якоб.

– Вспомните недавнее дело колдуньи Вуазьен и госпожи де Монтеспан, которое наделало так много шума в свете. Фортуна забросила эту своенравную женщину на самый верх придворного олимпа, и как легко она в погоне за милостями короля скатилась на отвратительное дно убийства и неприкрытого служения сатане.

– Вы говорите о черных мессах? Ходят слухи, что она приносила в жертву младенцев, чтобы продлить молодость и сохранить красоту!

– Мадумуазель, это не только слухи... – Кроуфорд грустно улыбнулся. – Ну так вот, амулеты и заговоры очень в ходу у нас на островах.

Уильям невольно отметил это «у нас», несколько противное тому впечатлению легкомысленного аристократа, которое пытался произвести на слушателей их новый знакомый.

– Индейцы, не принявшие христианства, и черные рабы, завезенные с Африканского континента, пребывают во мраке язычества, предпочитая общаться с падшими духами и справлять свои кровавые ритуалы. Но мое скромное имущество не имеет ничего общего с этими темными верованиями. Это всего лишь лекарственные порошки да коло– да карт, с которой бог весть отчего я не могу расстаться.

– Вы игрок? – банкир метнул на Кроуфорда быстрый взгляд.

– В игре я невезуч. О нет, я нарушаю совсем иную заповедь Иеговы, – рассмеялся Кроуфорд и посмотрел на Абрабанеля с издевкой: – Я, знаете ли, скорее *гадатель*.

Хансен вздрогнул и незаметно окинул фигуру Кроуфорда таким взглядом, словно увидел его в первый раз.

Несмотря на весьма практичный ум, а может быть, и благодаря ему Абрабанель был весьма склонен к суевериям, ведь чем больше душа человека отходит от искренней веры в Бога, тем больше она подпадает под власть страхов и суеверий. Абрабанель верил колдунам, астрологам, чародеям и прочим представителем халдейской мудрости, к которой со времен вавилонского пленения так или иначе тяготели души избранного народа. Якоб знал о склонности своего хозяина и опасался, что тот подпадет под очарование очередного шарлатана. И вправду, глаза коадьютора зажглись любопытством. Он уже было собрался что-то сказать, как его перебила собственная дочь.

– Наша вера велит нам не общаться с гадалками, – произнесла Элейна и улыбнулась.

– *Ваши?* – еще раз с иронией переспросил Кроуфорд, несколько переступая границы дозволенного.

– Да, *моя*, лютеранская вера, – с нажимом ответила Элейна и уже без всякого смеха посмотрела ему в глаза.

– О, простите, мадемуазель, я не хотел оскорбить ничьи религиозные чувства. Просто я сам католик и мне хотелось лишь внести ясность относительно того, кого благодарить за свое спасение.

– Вы католик? – удивился в свою очередь Харт. – Я, представьте себе, тоже, невзирая на то что англикане захватили духовную власть в нашем Отечестве. Я, знаете ли, не был готов поменять десять заповедей на «Тридцать девять статей»¹⁷.

– Как я вас понимаю! Шутка ли – сократить список разрешенных шалостей еще на двадцать девять пунктов! Да еще лишиться причастия! Решительно не понимаю, для чего у англикан Христос приходил на землю?!

– Видимо, чтобы прочесть нам мораль в духе «Законов против роскоши»! – рассмеялся Харт и посмотрел на Элейну. Но та опустила голову, и лишь по легкой складке между бровями было видно, что разговор этот наводит ее на мучительные раздумья.

– Я надеюсь, что наши взгляды не помешают нашей дружбе, – осторожно заметил Абрабанель.

– О нет, конечно. Сегодня религиозные взгляды вообще почти никому не мешают, особенно в *делах*, – невинно заметил Кроуфорд, и на его лице засияла улыбка порядочного человека. – Если только не брать в расчет проблемы гугенотов и колониальную политику.

– Но все же, как вы, католик, можете увлекаться гаданием? – Элейна снова повернула разговор в интересующее ее русло.

– Да, тем более вы нам сами ранее сказали, что глупо надеяться на звезды! – заметил банкир, поднимаясь из-за стола. – В каком же случае вы покривили душой, сэр?

– Боюсь, что я и сам этого не знаю! – небрежно обронил Кроуфорд. – Душа человека что бездна. Только Творцу под силу разобраться в том, что Он там натворил. Пожалуй, когда меня взвесят и найдут слишком легким...

– Ну уж это чересчур мудрено! – усмехнулся Абрабанель. – Эти софизмы оставьте для модных салонов, а у меня к вам деловой разговор, не забудьте!

– Я не буду испытывать ваше терпение, – с видом полнейшей серьезности ответил Кроуфорд. – Вот только заберу кошелек. Он придаст мне вес, когда вы возьмете меня в оборот.

¹⁷ «Тридцать девять статей» – правила, которыми регламентируется церковно-приходская жизнь Англиканской церкви.

Более уже к этому разговору не возвращались. За десертом Кроуфорд развлекал их милой болтовней и сплетнями о нравах обитателей Нового Света.

Уильям вернулся к себе в каюту в смятенных чувствах. Его неудержимо влекло к Кроуфорду со всеми его странностями и противоречиями. Он знал этого человека всего три дня, но если бы тот позвал его за собой, Харт не стал бы долго раздумывать. И еще юноша чувствовал, что тот сам испытывает к Харту что-то вроде симпатии.

Сам Харт, имея двух старших братьев, никогда не чувствовал по отношению к ним ничего подобного. Только дядя моряк да один мальчик, с которым они делили соседние кровати в дортуаре, вызвали в душе Уильяма теплый отклик. С тем мальчиком он даже дружил. Подростки вместе совершали набеги на фермерские огороды и удирали из спальни по ночам. Но друг погиб жестокой и нелепой смертью: упав с лошади, он зацепился ногой за стремя и лошадь раздробила ему голову о камни на пустоши. Тогда Уильям впервые видел кровь, и, лежа ночами, без конца вспоминал то совместные проделки, то забрызганный красным вереск рядом с бездыханным телом друга.

Теперь Уильям увидел в Кроуфорде воплощение своих представлений о настоящем джентльмене. Хотя, на первый взгляд, ничем особенным он себя не проявил, а, наоборот, постоянно оказывался перед публикой в роли жертвы – жертвы судьбы, пиратов, океана. Но и эту неблагодарную роль он играл с таким блеском, будто сам являлся и драматургом всех своих невзгод, и их исполнителем. Даже обычный кожаный кошелек, снятый с его пояса, и тот хранил в себе какую-то тайну. Давид Абрабанель сразу понял, что перед ним человек незаурядный, и отнесся к нему с большим вниманием и уважением. И Якоб Хансен, которого нельзя было назвать зеленым юнцом, и тот насторожился, как пес, почуявший волка.

Уильям осознавал, что невольно завидует Кроуфорду и к зависти этой примешивается и некоторая толика ревности. В глубине души ему хотелось немедленно сделать что-нибудь выдающееся, из-за чего всеобщее внимание обратится на его, Уильяма, персону. Но что он может совершить, Уильям не представлял. Разве что его тезка Черный Билл решит атаковать «Голову Медузы», и вот тут уж Уильяму будет где развернуться!

Представляя себе схватку, Уильям даже рванулся к своей шпаге, которую до сих пор ему ни разу в жизни не приходилось пускать в ход. Но тесное пространство каюты не позволило ему изобразить великолепное туше, которому его обучил учитель фехтования, нищий французский шевалье, живший в усадьбе Хартов на правах дальнего родственника. Француз по имени де Фуа утверждал, что у себя в Гаскони являлся фехтовальщиком далеко не из худших, и обучал Уильяма своему искусству с торжественной серьезностью, уверяя его, что непременно сделает из Уильяма виртуоза шпаги, опасного и неуязвимого. Уильяму очень хотелось в это верить, но до сих пор ни разу не пришлось проверить свои способности в деле. Он даже шпагу из ножен не вынимал с тех пор, как покинул университетский зал для фехтования. Тем более было бессмысленно махать ею в тесной каюте. Охладив свой пыл, Уильям спрятал оружие и окончательно впал в уныние. Он боялся признаться в этом самому себе, но в глубине души здорово трусил при мысли о нападении пиратов. Судьба «Утренней звезды» слишком красноречиво свидетельствовала о том, чем кончаются подобные авантюры.

Когда желтое, похожее на диск для метания, солнце повисло над самым краем океана, пронизав золотым светом воздух и превратив бесконечную водную гладь в струящуюся огненную лаву, тускло вспыхивающую багряными сполохами, сэр Френсис Кроуфорд постучался в каюту Уильяма и в весьма учтивых выражениях пригласил того поучаствовать в небольшой пирушке, которую он устраивает *in favorem* для своих новых друзей.

Здесь выяснилась приятная подробность: оказывается, в заветном мешочке у Кроуфорда кроме поэтических лечебных порошков и карт хранилось несколько вполне прозаических золотых монет. И этими монетами Кроуфорд заплатил за портвейн, которым намеревался отблагодарить Харта за недавнюю жертву. Скуповатый и не слишком расположенный к куте-

жам, капитан не моргнув глазом взял у Кроуфорда деньги и расщедрился на несколько пыльных бутылок, которые и намеревался распить со своим юным другом спасенный английский дворянин.

Расположиться они решили на юте, куда по просьбе Кроуфорда вынесли из кают-компании карточный столик и несколько кресел.

Правда, ни банкир Абрабанель, ни его дочь не собирались любоваться закатом вместе с ними, а капитан лишь пригубил стаканчик и сразу же удалился на мостик, сославшись на неотложные дела. Было ясно, что особой симпатии к своему соотечественнику Джон Ивлин не испытывает. Было ли тому виной их разное вероисповедание или легкомысленная болтовня Кроуфорда, кто знает. Об этом шепотом поведал Уильяму Хансен, уловив момент, когда Кроуфорда не было поблизости. Он выложил свою информацию тоном, который не оставлял сомнений в том, что торговый агент также испытывает уколы самолюбия, общаясь с англичанином. Уильям без труда уловил зависть, звучавшую в словах Хансена: легко опознать симптомы болезни, от которой страдаешь сам. Похоже, помощник Абрабанеля сообразил, что с вторжением в их общество Кроуфорда персона Хансена сильно потускнела, несмотря на то что Кроуфорд блистал в его костюмах. Антипатия торгового агента выразилась в том, что он также не стал засиживаться за столом и, принеся всевозможные извинения, довольно скоро откланялся.

Таким образом, Уильям остался с Кроуфордом «tête a tête».

Несмотря на почти случайную близость, возникшую между ними в прошедшие дни, Харт чувствовал себя не в своей тарелке, поскольку решительно не знал, в какой манере ему следует общаться с Кроуфордом, который, подобно хамелеону, легко менял настроение и тон.

Сам Кроуфорд, вероятно, догадался о затруднениях юноши, посему и обратился к нему с необыкновенной простотой.

– Скажите, Харт, – начал он, глядя сквозь бокал зеленоватого стекла на последние лучи заходящего солнца, – вы верите в дружбу между двумя совершенно разными людьми?

Уильям пожал плечами и также устремил взгляд в бокал.

– Как вам сказать, сэр Фрэнсис? Если говорить абстракциями, то дружба обычно является плодом общих дел и устремлений. Ведь дружат лишь те, кто мечтает об одном и том же. А в жизни, насколько я могу судить, дружбой обычно называют разделяемые с кем-то пристрастия, причем не высокого пошиба.

– Ого, юноша, да вы циник! Впрочем, Уильям, давайте условимся, что вы будете звать меня просто Фрэнсис. Хотя я и немного старше вас, мы с вами, по сути, занимаем одну ступень на общественной лестнице, мы оба дворяне, оба без чинов, оба не состоим при дворе и даже оба католики, что, вообще, меня радует, – протестанты не чувствуют вкуса ни одной вещи. Пьют кислое пиво, едят чертову брюкву и фасоль, от которой по ночам снятся кошмары, а одеваются как писцы в прокурорской конторе...

Сэр Фрэнсис сделал смачный глоток.

– На мой взгляд, человечество вообще мало внимания уделяет своей печени, – вдруг сказал он. – Вы знаете, что в половине случаев ваша хандра и раздражительность объясняются тем, что вы перегрузили свою печень. Как толкует Ибн-Сина и вторит ему Кабуснаме, в печени обретается животная душа человека, хотя мне кажется, что для многих она заменила и сердце. Так что не хандрите, Уильям. Увы, мою печень давно уже не тревожат прекрасные девицы, – Кроуфорд рассмеялся и хлопнул Уильяма по плечу. – Кстати, позвольте полюбопытствовать, вы тори или виг?

Уильям смешался, поскольку его политические взгляды были весьма неопределенны.

Надо сказать, что со времен парламентских выборов 1679 года в Англии оформились две первые политические партии: тори и виги. К тори относили себя сторонники прав короля, симпатизировавшие католикам, то есть те, кого обычно называли роялистами. По-другому их

еще называли консерваторами. Виги же отстаивали интересы буржуазии, представители которой предпочитали протестантскую веру и исповедовали крайний национализм, будучи либералами на деле.

– Скорее всего, я тори, как, мне кажется, и вы, – неуверенно ответил Харт.

– Браво, Уильям! Вы консерватор! А я-то предполагал, что вам не чужд либерализм: вы ведь любите деньги и якшаетесь с жидовским толстосумом! Впрочем, вы угадали: еще одно сходство между нами. Следуя вашей теории, мы должны стать друзьями! В конце концов, мы гораздо более похожи на ирландских разбойников-папистов, собирающих дань с протестантских кошельков, чем на этих угрюмых стяжателей, чьи бледные щеки и гнусавые голоса способны отбить охоту к жизни... Отчего вы не пьете?

В ответ Харт до дна осушил бокал и почувствовал, как мир обрел краски.

Но сам Кроуфорд вдруг отставил бокал в сторону и извлек из кармана миниатюрную шкатулку. Нажав на какую-то секретную пружину, он осторожно открыл ее и ногтем мизинца зачерпнул из нее немного белого порошка. Поднеся его к одной ноздре, он глубоко вздохнул и на несколько секунд поднял голову кверху. Затем проделал ту же операцию и со второй ноздрей, после чего откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

– Это ваше таинственное лекарство?

– О да, и я не советую вам употреблять его. Помните лотофагов? «Лишь только поели его мои спутники, как забыли свою родину и не пожелали возвращаться на родную Итаку...» Страшиться всего, что подчиняет вас, Харт! Слава, карты, женщины – мы полагаем, что все в мире создано для нашего удовольствия. Но кто кому служит, Харт, тот тому и раб.

Он шумно втянул носом воздух и продолжил:

– Вот вы, юный, свободный, храбрый, – ради чего вы здесь? – Смуглое лицо Кроуфорда вдруг обрело еще большую резкость и выразительность, глаза вспыхнули памятным черным огнем. – Вы раб своих мифических сокровищ, Харт. Вы могли бы послужить своему Отечеству, избрав любое благородное поприще, ведь вы дворянин! А вместо этого вы плывете с парой негодяев в колонии, откуда бегут даже каторжники. Какой червь подточил вашу душу? Что вам надо? Денег? Славы? Женщин?

Уильям несколько опешил от такого наскока, но Кроуфорду он не мог не ответить.

– Мне уготовили участь сельского пастора, но я не мог с ней смириться. С ранних лет я мечтал своими глазами увидеть другой мир, вдохнуть его запахи, ступить на его землю. Да, я молод, и я не хочу умереть в кровати от несварения желудка. Я хочу жить, Фрэнсис, жить, а не прозябать! Почему я должен отказаться от своей мечты? Я или свершу все, что задумал, или умру – но я буду жить, как я хочу!

Кроуфорд слушал юношу, опустив голову. На лицо ему упали волосы, отчего Уильям не мог разобрать его выражения. В руке его снова был полный бокал, который он не торопился осушать.

– Вы дурак, сэр Уильям Харт.

Слова эти были так неожиданны, что Харт опешил и даже не нашелся, что возразить.

– Впрочем, я не оскорбляю вас, и вы можете забыть, что я сказал. Господи! – Кроуфорд вдруг поднял голову к небу, на котором медленно проступали звезды. – Господи, зачем?

Уильяму вдруг стало смешно.

Он услышал, как капитан отдает с мостика приказания, как хрипыми голосами перекликаются вахтенные, как волны с глухим плеском ударяют в борта корабля.

Ровный ветерок наполнял паруса над его головой, тихо поскрипывали уставшие за день снасти. Пахло водой и чем-то непередаваемым, что, раз услышав, уже никогда невозможно ни забыть, ни спутать, хоть сто лет просиди на берегу.

– Этот порошок индейские жрецы добывают из листьев одного растения, – вдруг сказал Кроуфорд. – Они говорят, что он помогает им «видеть». Вот именно! Я тоже не сразу понял,

что это означает. Понять это можно, только попробовав это проклятое зелье. Пожалуй, добрый христианин отшатнется от такого угощения, как черт от ладана, но мы-то ведь с вами другого поля ягода, не правда ли, Уильям?

Кроуфорд впервые за вечер посмотрел Харту в глаза.

– Ведь мы с вами ищем чего-то такого, чему нет названия, верно? *Как будто бы в моем ничто есть нечто и буду им я скоро обладать. Я знаю лишь, что ждет меня страдание, хотя не знаю для него названья...* – голос его стал мягок и глубок, и Харт подумал, что, будь он женщиной, не смог бы устоять перед подобными декламациями.

Солнце село – будто провалилось. Небо сделалось бархатно-синего цвета, и на нем высыпали звезды, огромные, сверкающие и переливающиеся множеством острых, как иголки, лучей. Поверхность моря покрылась мерцающей серебристой пылью. Внезапный порыв ветра настиг флейт, и на бизань-мачте с громким шлепком расправился парус.

– Итак, вы покинули родимый дом, дорогой Уильям! – словно продолжая прерванный разговор, произнес Кроуфорд. – Презрели и устремились, так сказать.

Уильям был рад тому, что ночная тьма не позволяет рассмотреть выражения его лица. Может быть, еще и поэтому он вдруг заговорил – заговорил сбивчиво и откровенно, поведав коротенькую историю своей недолгой жизни, рассказав о своих смутных надеждах и мечтах, которые ему самому были еще не очень понятны.

На этот раз Кроуфорд выслушал его не перебивая.

– Наверное, в ваши годы и я испытывал что-то подобное, не помню, – он усмехнулся, но Харт уловил в этой усмешке неожиданную горечь. – Когда-то я тоже плыл на корабле, ветер надувал паруса, и душа моя была полна ярости и надежд...

Кроуфорд говорил сбивчиво, перескакивая с темы на тему, но Уильям уже достаточно набрался портвейна, чтобы этого не замечать. Они подошли к фальшборту и, взявшись за планшир, уставились вниз, где в непроницаемом мраке слышался плеск волн. Корабль уверенно шел к намеченной цели.

– Океан полон таинственной, неведомой нам жизни, а там, в черной воде, ниже ватерлинии, в чудовищной толще вод, кто знает, что творится там, Харт! Ни один не вернулся обратно, ни один, кто там побывал, потому что они все мертвы!

Голос его сорвался, а у Уильяма мороз прошел по коже.

– Хотя нет, мертвецы возвращаются, – теперь Кроуфорд говорил ровным глухим голосом, словно обращаясь самому себе. – Возвращаются, чтобы сказать нам о беде, которую все равно нельзя отвести... Так послушайте, что на самом деле случилось в тот день, когда на нас напал Черный Пастор. Он мастер читать проповеди, этот мерзавец! Перед тем как убить своих жертв, он еще кощунствует над их верой. Я видел это, и это было так же ужасно, как...

Его голос опять сорвался, словно он перестал владеть собой. Это было так странно, что Уильям, напрягая зрение, попытался рассмотреть в полутьме его лицо. Ему показалось, что фигура Кроуфорда излучает едва заметное красноватое сияние, точно тлеющий фитиль. Уильям тряхнул головой, и наваждение исчезло.

– Незадолго перед тем, как Черный Билл возник у нас на траверзе, – вполголоса продолжил Кроуфорд, – я стоял на полубаке и смотрел на море. Сверкало солнце. Ветер раздувал паруса. Вдруг перед самым носом корабля я увидел женщину...

– Женщину?!

– Она стояла прямо на воде, – повторил Кроуфорд, – одетая в белое платье. Ее черные волосы развевались по ветру. Казалось, еще мгновение, и ее смяло бы водорезом. Будь я проклят, если не видел ее так же ясно, как вас. Она подняла руку, погрозила мне и в ту же секунду исчезла, а большая волна яростно ударила в форштевень, окатив меня с ног до головы.

Уильям потрясенно смотрел на Кроуфорда. В его словах слышался такой неподдельный ужас, что не поверить ему было невозможно. Да, пожалуй, у Харта сейчас и мысли не возникло усомниться в правдивости его рассказа. Он был настолько поражен, что мог лишь прошептать:

– Что это было?

– Это была морская ведьма.

– ?!

– Эти существа не умерли и не живут. Дьявол дал им власть над водами морей и теми, кто, покинув сушу, ввергает себя этим водам. Подобно призракам, не зная покоя, они скитаются по морям, ища случая потопить корабль, вызвать бурю или накликают на людей несчастье. Говорят, их рождает сам океан в ответ на людские злодеяния. И они могут принимать вид любого человека... – Уильям Харт услышал, как сэр Фрэнсис сглотнул слюну и перевел дыхание. – В детстве мне рассказывали, что Фрэнсис Дрейк продал душу дьяволу, чтобы стать великим моряком, и тогда дьявол приставил к нему морских ведьм. Они-то и помогли ему потопить Непобедимую армаду и найти сокровища... – внезапно Кроуфорд умолк и отбросил с лица спутанную прядь волос.

– Что же дальше, рассказывайте!

– Дальше был abordаж и страшная смерть многих достойных людей, – мрачно ответил Кроуфорд. – Понимаете, что я хочу вам сказать, Харт? Человек – сам причина своих несчастий, а океан – лишь зеркало, отражающее кошмары, царящие в наших душах.

Вместо ответа Уильям подумал, что Кроуфорд сам не менее Черного Пастора склонен к проповедничеству. Может быть, напутствие, которое дал ему на прощание Билл, прежде чем пустить в плавание на обломке мачты, так сильно подействовало на него, что он как бы повредился в уме?

Чтобы нарушить тягостное молчание, возникшее после рассказа Кроуфорда, Уильям в продолжение беседы поведал о том, что слышал в Плимуте, когда в ожидании отплытия слонялся по портовым тавернам. Тогда его поразила история, услышанная от одного пьяненького боцмана. Он рассказывал собутыльникам о злополучной гибели сорокапушечного линейного корабля «Месть», направлявшегося в колонии. По его словам, случай этот произошел лет пять тому назад. На борту корабля находились, помимо прочих, несколько высокопоставленных лиц, среди которых был лорд Томас Бертрам, член парламента, и его супруга, прославленная красавица леди Бертрам. В Карибском море на судно напали пираты и после ожесточенного сражения захватили его. Гибель команды и пассажиров была ужасной: их всех выбросили за борт или перерезали. А один из пиратов, вроде бы квартирмейстер самого Черного Билла, одноглазый негодяй по кличке Красавчик Роджер, лично повесил на рее милорда, а его молодую жену посадил в шлюпку и отправил по воле волн на верную гибель.

– Он дал ей только бутылку с водой! – в величайшем негодовании закончил Уильям. – Вы совершенно правы, когда говорите про то, что причина самых великих зол в мире – человек, а не бездушные стихии! Неудивительно, если, как вы и говорили, демоны насылают на людей призраки в ответ на их злодеяния.

Там, где стоял Кроуфорд, в темноте что-то отчетливо звякнуло. Уильяму показалось, что разбилось стекло. Это Кроуфорд, с неожиданной жадностью осушив полный бокал, швырнул его за борт и, слегка покачнувшись, отпустил планшир, на который только что опирался.

– Пожалуй, пойду-ка я спать! – заявил он. – Надеюсь, вы не будете на меня в обиде, Уильям? Все эти морские байки немного меня утомили. И вам я тоже советую хорошенько выспаться. Этот чертов индейский порошок действует каждый раз по-другому. То он навеивает сладкие грезы, то, наоборот, принуждает вас нести всякую чушь и лихорадочно метаться от одного дела к другому. Но, пожалуй, о его свойствах мы побеседуем в другой раз, а сейчас покойной ночи, Уильям! Приятных вам сновидений!

Каблуки его башмаков громко простучали по дощатой палубе и умолкли где-то внизу. Уильям, разгоряченный винными парами и разговорами, еще раз посмотрел за борт. Он оглядел океанскую пустыню, словно опасаясь увидеть какой-нибудь призрак, но лишь кильватерная струя белела и растворялась в темноте за кормой. Уильям вздохнул и отправился спать.

Глава 4

Праздники на Барбадосе

Карибское море

Наконец настал тот долгожданный день, о котором мечтали все, кто плыл на «Голове Медузы»: ранним погожим утром 18 сентября 1682 года флейт, минуя розовые коралловые рифы, вошел в отличную природную бухту, на берегах которой раскинулся главный город острова Барбадос Бриджтаун.

Кстати сказать, честь открытия этого острова принадлежит вовсе не англичанам, а португальцам, которые и дали острову столь странное название. Англичане немного исковеркали португальское слово, впрочем, не отстали и другие просвещенные народы, отчего остров называли и Барнадос, и Барбудос, и даже Сан-Бернардо, что, верно, сильно удивило бы того простоватого португальца, который по пути в Бразилию увидел с корабля раскидистые кроны фиговых пальм, склонившихся прямо над морем, и воскликнул: «О, лос Барбадос!», что в переводе означает всего лишь «бородатый».

Уильям заранее занял удобное место на палубе, откуда можно было в подробностях рассмотреть сию землю обетованную.

Темно-бирюзовые воды бухты сверкали под лучами солнца. Над ними с криками носились чайки, невдалеке на рейде высились стройные мачты двух военных кораблей, а у самой пристани толпились на воде десятки фелюг и барок, принадлежащих, скорее всего, местным жителям. От пристани вверх по холму поднимались улочки небольшого городка, выглядевшего вполне современным и уютным. Белые каменные дома с красными крышами, высокий шпиль собора на центральной площади, обилие зелени, черные дула пушек, торчащие из бойниц форта у входа в бухту, – все это с жадностью отмечал взгляд Уильяма. Так вот она, английская Вест-Индия!

Издаലെка остров производил впечатление вполне обжитого уголка, которых предостаточно на берегах Испании и Португалии. Уильям был даже немного разочарован. Он готовился увидеть непроходимые джунгли, толпы раскрашенных дикарей и диких животных. Но ничего этого пока не было.

Уильям уже знал, что на Барбадосе множество сахарных и табачных плантаций, где работают рабы, вывезенные из Африки, и европейцы – осужденные на каторжные работы преступники, которым вместо тюрьмы Фортуна подсунула этот зеленый остров. Коренных жителей – индейцев, когда-то во множестве населявших этот живописнейший остров, практически не осталось: они были уничтожены в ходе колонизации острова еще испанцами и португальцами.

Большая часть Барбадоса была покрыта пышной растительностью, еще не вытесненной земледельцами. На открытых местах и вдоль берега в изобилии произрастали кокосовые и банановые пальмы, хлебное дерево, папайя, манго, ананасы, за ними простирались хлопковые и тростниковые плантации, которые возделывали многочисленные рабы. Собственно, таких гигантских тропических лесов, как в долине Амазонки, здесь не было, хотя островки сумрачной гилеи с огромными стофутовыми деревьями, обвитыми лианами и папоротниками, кое-где встречались.

По мере того как «Голова Медузы» приближалась к городу, все яснее можно было разглядеть столпившихся на пристани зевак. Судя по всему, прибытие корабля было здесь чем-то вроде всеобщего праздника. Несмотря на некоторые сомнения, на душе Уильяма вдруг сделалось тепло и радостно.

На мгновение ему даже показалось, что встречаются сейчас не только корабль – встречаются и его самого. Душа его уже рвалась на берег в поисках новых впечатлений. На минуту он даже забыл о предмете своих робких воздыханий. Прекрасная Элейна тоже вышла на палубу, но находилась на другой стороне корабля в компании своего отца и служанки. В честь прибытия или по причине жары девушка выбрала белое шелковое платье с фижмами, отделанное по лифу и рукавам кружевами, и широкополую шляпку, украшенную цветами и лентами. Камеристка держала над ней зонт, которым пыталась защитить кожу хозяйки от жаркого тропического солнца, поскольку загар был презираем в обществе как отличительная черта простолюдинов. Якоб Хансен, облаченный в светлый парик и костюм палевых тонов, тоже был рядом с ней. Почтительно наклонившись, он что-то вполголоса объяснял девушке – возможно, рассказывал про местные обычаи. Когда Уильям решил присоединиться к их обществу, к нему неожиданно подошел Кроуфорд.

– Барбадос! – сказал он, всматриваясь в приближающийся берег. – Гнусная дыра, населенная в большинстве своем отпетыми негодяями! Хотя, надо сказать, возможностей набить кошелек здесь хоть отбавляй. Плантации и торговля всем, чем пожелаете! Вы спрашивали про Эльдorado, Уильям, – здесь у каждого свое маленькое Эльдorado. Боюсь только, что карты вам никто не покажет! – он засмеялся.

Уильяму стало неприятно, что Кроуфорд так отзывается о людях, населяющих этот остров. Он столько надежд связывал с этими краями, столько заманчивых предположений строил, глядя на звезды бессонными ночами! Мнение Кроуфорда показалось ему слишком циничным. Однако, взглянув на горбоносый, словно отчеканенный на монете профиль своего нового друга, Уильям потерял охоту спорить. Ему подумалось, что, многое испытав и побывав на краю гибели, Кроуфорд имеет право на столь горькое мнение о человеческой природе. При воспоминании о мрачных рассказах Кроуфорда и обстоятельствах их знакомства у него на миг защемило в груди. Вот и подошло к концу его первое приключение!

Перепады в настроении вообще характерны для молодых людей, и, особенно для путешественников по морю без парика и средств к существованию, а тут на Уильяма навалилось сразу столько впечатлений... И еще он, пока не до конца сознавая это, испытывал благодарность к Фрэнсису за то, что тот больше не пытался пустить в ход свое обаяние и не смущал наивный покой Элейны.

Следует заметить, что Кроуфорд еще несколько дней назад совершенно потерял интерес к девушке. Он вообще ушел в себя и проводил время преимущественно в одиночестве, иногда вступая в философские беседы с Уильямом, к которому, несомненно, благоволил. К вопросу о пиратах он больше ни разу не возвращался и пресекал все попытки Уильяма завести разговор на эту тему. Вот и сейчас, увидев прелестную фигурку девушки в белом платье, Кроуфорд на мгновение скривился, как от зубной боли, впрочем тут же сменив выражение лица на самое приветливое.

Уильяму и самому не хотелось вспоминать о неприятном. Будущее раскидывалось перед ним бескрайним океанским простором. Прекрасная Элейна все чаще улыбалась ему и охотно болтала о пустяках, когда им удавалось остаться на палубе вдвоем. Случалось это не слишком часто, но все-таки случалось, и Уильям был благодарен Провидению за эти моменты блаженства. Он начинал подумывать, что все не так уж безнадежно, ведь и старый банкир стал с ним гораздо ласковее, звал его «мой мальчик» и время от времени зазывал к себе в каюту, где угощал стаканчиком терпкого итальянского вина с пряностями и беседовал о жизни, нахваливая Уильяма за его решение начать самостоятельную жизнь.

– Ты и сам не заметишь, как ухватишь Фортуну за волосы, мой мальчик! – убежденно говорил он. – Эти острова – сущий рог изобилия для делового человека! Ты не будешь успевать ловить дублоны, которые будут сыпаться тебе прямо в руки! Только держись меня! – строго

добавлял он, поднимая вверх толстый указательный палец, украшенный массивным золотым перстнем с печатью. – Не доверяй никому и помни, кто твой благодетель!

Уильям старательно пытался выяснить, с чего он должен начать свою службу, но тут речи Абрабанеля становились несколько расплывчатыми и он просил Уильяма еще немного потерпеть.

Уильям испытывал некоторую растерянность от такой неопределенности и однажды поинтересовался у сэра Кроуфорда, что тот думает об Абрабанеле. Фрэнсис выслушал юношу, внимательно посмотрел на него и высказался весьма фамильярно:

– Твоему Абрабанелю палец в рот не клади. Он себе на уме, эта старая жидовская торба. Он не из тех, что зарывают в землю свои таланты, его смоковница плодоносит как заведенная. Пожалуй, он смог бы выкупить собственную душу у дьявола, если бы имел в ней хоть какую-то надобность! Я снимаю перед ним шляпу, Уильям!

Уильям был удивлен как столь странной для джентльмена манерой изъясняться, так и весьма двусмысленной аттестацией персоны банкира. Но после некоторого раздумья он признал ее удовлетворительной, отнеся некоторую цветистость образов на счет присущего Кроуфорду оригинального мышления. Он тоже считал Абрабанеля весьма ловким человеком и помнил, что только благодаря банкиру перед ним открывается огромный мир, полный самых разных возможностей.

Абрабанель не оставлял Уильяма своим вниманием ни на минуту, особенно после того, как однажды Уильям задал ему невзначай вопрос о том, что он думает о спасенном от гибели человеке. Уильям чувствовал, что между банкиром и Кроуфордом отношения становятся все более натянутыми. Ему было неприятно это осознавать, хотя было ясно, что причинами неприязни были и принадлежность к разным сословиям, и разное вероисповедание, и противоположные представления о целях жизни и способах их достижения.

В своих суждениях о Кроуфорде банкир был гораздо осторожнее.

– Чужая душа – потемки, мой мальчик! – признался он, осторожно поглаживая пухлой ладонью свои гладко выбритые щеки. – Сэр Кроуфорд, несомненно, достойный джентльмен, но молодому человеку не стоит брать с него пример. Всяк сверчок знай свой шесток, как говорится. Я не большой моралист, но мне показалось, что этот человек не всегда следует заповедям Господним. Кажется, он вообще большой грешник. Во всяком случае, мне так показалось. Скажу тебе честно, сердце мое трепещет от радости, когда я думаю, что скоро мы избавимся от общества этого англичанина.

После этого Уильям окончательно запутался, хотя Якоб Хансен, со своей стороны, все-таки попытался внести некоторую ясность:

– Старик попытался уговорить этого треклятого Кроуфорда вложить деньги в экспедицию на африканское побережье в Сан-Луи или Порт-Джеймс за черными рабами, но тот заявил, что его вообще не интересуют ни рабы, ни долговременные коммерческие операции. Но зато он высказался на тот счет, что будто готов купить у Абрабанеля «Голову Медузы». Помоему, он просто хотел перевести разговор в другое русло. Но Абрабанель принял это всерьез, предложил свои условия, начался торг, который ничем так и не закончился... Одним словом, они расстались крайне недовольные друг другом. Но мне этот Кроуфорд, признаться, тоже не нравится. Ведет он себя странно, а порой и откровенно вызывающе. Иногда его весьма трудно понять.

В последнем пункте Уильям был согласен с Хансеном, но все же его по-прежнему терзали сомнения. Он стремился видеть в людях их лучшие стороны, хотя с грустью допускал, что большинство из них предпочитает в своих действиях опираться именно на дурные склонности себе подобных. Недоверие, которое постепенно начинали испытывать его спутники к человеку, ими же спасенному, было ему неприятно.

Однако прислушиваться ему приходилось прежде всего к словам Абрабанеля. Об этом Уильям вспоминал в последние дни особенно часто. Прибытие на остров означало новую веху в его жизни, которая должна была теперь уже целиком протекать под руководством патрона.

Измученный бездельем и неопределенностью, Уильям нетерпеливо ждал, когда сойдет на берег.

– Боцман на бак! Приготовить оба якоря к отдаче!

– Якоря к отдаче готовы!

С капитанского мостика раздались долгожданные команды, за которыми вскоре последовал и шум освобождаемых якорей, приведший пассажиров в радостное возбуждение.

– Приспустить якорь!

– Приспустить до воды!

– Правый якорь приспущен!

– Левый якорь приспущен!

Якоря с плеском ушли в воду, подняв со дна песок и миллионы воздушных пузырей.

Когда Абрабанель приказал Харту садиться в шлюпку вместе с ним, эти слова прозвучали для юноши как самая прекрасная музыка.

«Голова Медузы» бросила якорь, а первая же шлюпка доставила на берег Абрабанеля и его спутников, включая сэра Фрэнсиса Кроуфорда.

К изумлению Уильяма, на пристани их встречал сам губернатор Барбадоса сэр Эдуард Сэссил лорд Джексон с украшенной лентами тросточкой в одной руке и со своей супругой леди Мэри Джексон, занявшей локоть другой. Милорд оказался столь любезен, что тут же пригласил господина Давида Абрабанеля погостить у него вместе со своими спутниками.

Губернаторский дом поразил Уильяма своими размерами и комфортабельностью. Он и не предполагал, что жизнь в колониях может почти ничем не отличаться от жизни в просвещенных европейских столицах. Правда, речь шла о знатном вельможе, но до сих пор Уильям полагал, что даже наместники английского короля живут на рубежах империи в условиях куда более скромных, так сказать, более соответствующих их полувоенному статусу.

В глубине души он ожидал увидеть губернатора в кирасе, окруженного чиновниками и офицерами, склонившегося над картой острова в кабинете, стены в котором увешаны старинным оружием, гравюрами и планом фортификационных сооружений.

Однако губернатор Барбадоса лорд Джексон оказался subtilным, почти крошечным человеком, чрезвычайно склонным к щегольству. Особое пристрастие он питал ко всякого рода кружевам и лентам, посему в них буквально утопали и его маленькие белые ручки, и остренький, чисто выбритый подбородок. Даже тупоносые туфли его на высоких каблучках были отделаны особого рода лентами с золотыми пайетками. При всем при том манеры этого маленького тщеславного человечка отличались удивительной властью и даже в какие-то моменты вздорностью. Уильям заметил, что лица, сопровождавшие губернатора, поглядывали на него с некоторой опаской и не вступали с ним даже в незначительные пререкания.

– О, «Галантный Меркурий»¹⁸ навевается и к нашему попугайчику, – прошептал на ухо Харту сэр Фрэнсис.

К гостям губернатор отнесся с преувеличенным радушием, сердечно приветствовал господина Абрабанеля, о котором был явно наслышан, осыпал комплиментами прекрасную мисс Элейну, выразил сочувствие чудесным образом спасшемуся сэру Кроуфорду и даже нашел несколько милостивых слов в адрес совершенно захлебнувшегося в этом словесном водопаде Уильяма.

¹⁸ «Галантный Меркурий» – один из первых иллюстрированных журналов, публикующих картинки с модами и их описание.

Встретив гостей, он тут же распорядился, чтобы их всех устроили самым наилучшим образом и накормили ланчем.

– В вашу честь мы непременно дадим обед, господин Абрабанель! – с жаром объявил губернатор. – Я сейчас же прикажу начать приготовления. А на ближайшие дни назначим бал. Вы сможете убедиться в том, что мы живем здесь вовсе не в дикости, как это может показаться на первый взгляд. У нас здесь тоже есть общество, и все мы стараемся беречь традиции той земли, откуда мы родом.

Благодаря некоторой напыщенности и вышеупомянутой чрезмерной склонности к нарядам губернатор произвел на Уильяма не очень приятное впечатление. Поэтому его сильно удивила столь не вяжущаяся с обликом этого человека заботливость, которую он спешил проявить по отношению к незнакомым людям. О своем наблюдении Уильям не преминул сообщить Хансену, чья комната в губернаторском доме совершенно случайно оказалась рядом с комнатой Уильяма. Тот как-то странно посмотрел на юношу, буркнул в ответ что-то неопределенное и, наскоро извинившись, исчез за дверью.

Уильям было задумался, но тут его отвлекли. Вышколенный слуга-негр принес ему кувшин воды и тазик для умывания, а затем, когда Уильям ополоснул лицо и руки, подал ему ланч, который помимо поджаренного цыпленка и свежее выпеченного хлеба включал в себя также финики, гроздь бананов и кокосовые орехи, коих Уильям ни разу в жизни не пробовал, хотя видел в Лондоне, на торговых задах Сити. К завтраку прилагалась также небольшая фаянсовая фляга с местным фруктовым вином. Других напитков, о которых столько слышался Харт у себя дома, ему пока не предложили. Уставший от упростившегося к концу путешествия судового меню, Уильям мгновенно расправился с угощением, едва пригубив означенную бутылку, и, приободрившись, решил, не медля ни секунды, предпринять вылазку в город. Он нацепил перевязь, поправил шпагу и, никого не предупредив, отправился на прогулку.

Резиденция губернатора располагалась на некотором отдалении от центра города, который представлял собой площадь напротив собора. К ней вела мощенная обтесанным камнем дорога, по краям которой росли деревья с большими мясистыми, будто кожаными листьями. Повсюду радовали глаз причудливые цветы самых ярких и разнообразных оттенков. С живым любопытством Уильям разглядывал диковинные растения, а когда вдоль дороги потянулись колючие заросли съедобных бромелий, чьи покрытые шипами узкие листья веером расходились от мясистых стволов, он невольно замедлил шаг, чтобы рассмотреть их повнимательнее. На языке индейцев плоды этого полукустарника назывались ананасами, что в переводе означает «изысканный вкус». Когда Колумб впервые ступил на землю Нового Света, местные жители приподнесли ему в знак уважения плод ананаса. Гонсало Фернандес де Овьедо, самый известный бытописатель Новой Индии и моря-океана, писал о нем так: «Ананас – самый красивый фрукт из виденных мною, во время путешествий по миру. Ласкает взор, с мягким ароматом, наивкуснейший среди известных мне. Этот плод пробуждает аппетит, но, к сожалению, после него не ощущается вкус вина».

От них в горячем воздухе распространялся тонкий, щекотавший ноздри аромат. Уильям с живейшим любопытством вертел по сторонам головой. С холма была великолепно видна бухта, на лазурной поверхности которой покачивались стоящие на якорях суда. За входом в бухту раскинулся бескрайний, сверкающий золотом океан. Сейчас он был пуст: ни единого паруса не виднелось на горизонте. Уильям подумал о том, какое огромное расстояние отделяет его сейчас от порога родимого дома, и ему стало слегка жутковато. Он вспомнил маму. Привыкшая гордо встречать удары судьбы, она была внешне суровой женщиной, но в глубине души без памяти любила всех своих сыновей, а Уильяма, как младшего, особенно. Покинув без благословения родной дом, он, несомненно, разбил ее сердце, и мысли об этом время от времени терзали душу Уильяма. Чтобы заслужить прощение, он должен был добиться в жизни

очень многого и проявить себя с наилучшей стороны, иначе ему нечем будет оправдаться перед той, которая подарила ему эту жизнь.

До города было совсем недалеко, и Уильям даже не заметил, как оказался на извилистых чистеньких улицах Бриджтауна. Прохожих было немного: похоже, местные жители в жаркое время суток предпочитали сидеть дома. Действительно, высокая влажность делала жару труднопереносимой. Над каменными мостовыми струилось раскаленное марево. Даже небо, голубое с утра, словно вылиняло и посерело. От ярких цветов, росших в аккуратных двориках, рябило в глазах.

Уильям шел, с любопытством разглядывая окружавшие его постройки, многие из которых несли на себе отпечаток испанского стиля, вдыхал незнакомые запахи и с тревогой подумывал о том, как будет выглядеть на будущем балу у губернатора.

Лучшего повода, чтобы сблизиться с Элейной, и выдумать было нельзя. Все-таки общение на борту корабля, в суровой обстановке, в присутствии грубых матросов и бдительного отца, это было не то, о чем хотелось мечтать. Другое дело – прекрасное общество, танцы, светская болтовня... Одно только смущало Уильяма: ему ни разу в жизни не доводилось танцевать на настоящем балу да и парадного платья у него не было, а явиться на бал в выдавшем виды костюме и сбитых башмаках было решительно невозможно.

Вспомнив о своем скудном гардеробе, Уильям разом упал духом: бал был для него недосягаем. Тут же с невольной завистью Харт вспомнил и своего нового друга: Кроуфорд наверняка чувствует себя на балах как рыба в воде. Он бывает груб и дерзок, но манеры светского человека проглядывают и сквозь эту маску – он действительно прекрасно воспитан. У него есть все данные настоящего кавалера, чтобы завоевать сердце прекрасной Элейны, и никакое неудовольствие Абрабанеля не сможет ему помешать.

В тот самый момент, когда Уильям пришел к такому неутешительному выводу, он оказался на перекрестке двух улиц, одна из которых сбегала вниз к порту, а другая, постепенно поворачивая направо, вела куда-то за угол, в лабиринты города. Уильям остановился на секунду, решая, куда двинуться дальше, и вдруг увидел, как в ярдах сорока от него из какого-то дома вышел человек и тут же, нырнув под каменную арку, увитую лианами, пропал.

Ничего особенного в этом не было, но только этот человек показался Уильяму необыкновенно знакомым. Не раздумывая, он бросился вдогонку. Что может здесь делать Кроуфорд? Значит, он раньше него ушел в город? Но зачем? Наверняка он здесь неоднократно бывал и бродит поблизости не из праздного любопытства. Может быть, у него есть на острове какие-то связи? Но он так нелестно отзывался о здешнем обществе... Теряясь в догадках, Уильям быстро вбежал под каменную арку и огляделся. Перед ним открылась небольшая площадь с фонтаном посередине. Подобно лучам, от площади разбежались в разные стороны несколько улочек. Вокруг не было ни души, если не считать одетого в какие-то обноски негра, сидящего прямо на земле в тени дома.

Уильям еще немного поискал Кроуфорда, но быстро понял, что потерял его. В некотором смущении он отправился обратно. Мысли его вернулись к Элейне, и ему вдруг захотелось увидеть девушку, услышать ее голос, убедиться, что чувства, которые, как он надеялся, пробудились в ней во время их долгого путешествия, еще не остыли.

Обратный путь показался ему гораздо короче. Он торопился, но, как оказалось, напрасно. Явившись в дом губернатора, Уильям узнал, что Элейна не может принять его – она готовится к балу. Это было веским поводом для уныния, и, вздохнув, Уильям отправился искать Кроуфорда. Однако найти его не удалось, как, впрочем, не удалось найти ни Хансена, ни Абрабанеля. Кто-то из лакеев любезно сообщил Уильяму, что гости заперлись с патроном дома в его кабинете и уже давно о чем-то разговаривают. Разумеется, Кроуфорда среди них не было с самого начала.

Куда пропал его новый знакомый? – этот вопрос все больше мучил Уильяма.

В раздумьях и сомнениях встретил Уильям свой первый вечер на Барбадосе. За ужином нашелся и Кроуфорд, который, пребывая в отличном расположении духа, весело шутил, сплетничал о незнакомых Харту местных жителях и передавал слухи, которых он, по его выражению, «набрался» в городе. Губернатор отчего-то пребывал в крайней рассеянности, Элейна подавленно молчала, уставившись в тарелку и кромсая пальцами ни в чем не повинную булку, Хансен молча посверкивал то глазами, то зубами, не отводя взгляда от губернатора, и лишь Абрабанель весело посмеивался, иногда отпуская острое словцо.

После ужина сэр Фрэнсис как ни в чем не бывало подхватил Харта под руку и потащил в сад, прямо в объятия Зефира, лениво овеивавшего деревья и кустарники, подстриженные во французском стиле, повсюду главенствующем в этом доме. Так они прошли до искусственного грота, возле которого бил фонтанчик, устроенный в виде пучеглазой раскрашенной рыбы.

– Послушайте, Харт, – Кроуфорд взял юношу за оловянную пуговицу и задумчиво покрутил ее. – Не хотите ли вы, пока не поздно, попробовать себя на каком-нибудь ином поприще, сменить покровителя, так сказать?

– Вы не перестаете удивлять меня, Фрэнсис! – Харт осторожно убрал руку Кроуфорда от своей груди. – Это решительно невозможно. Господин Абрабанель за свой счет привез меня сюда, доверился моей порядочности, вперед выплатив мне жалованье, причитающееся за три месяца. Если я покину его, как я буду выглядеть в его глазах?

– М-да, в его хорошеньких, похожих на спелые вишенки глазках, которые так трогательно смотрят на вас из-под кружевной вуали...

– Это не ваше дело, Фрэнсис, – мягко, но категорично прервал его Уильям.

– Конечно, не мое! – вдруг взвился Кроуфорд. – Какое мне дело до зеленого, как неспелое яблочко, дурачка, который готов из-за прекрасных глазок хорошенькой жидовки сломать себе жизнь!

Он снова схватил Харта за пуговицу и снова притянул его к себе.

– Фрэнсис, прекратите, я не хочу с вами ссориться. Я вижу, что вы по-своему желаете мне только добра. Но я не позволю, чтобы в моем присутствии вы оскорбляли мисс Элейну и ее отца, – и Харт еще раз аккуратно освободил злосчастную пуговицу.

– Что ж, поступай как знаешь.

Кроуфорд со странным выражением на лице оглядел юношу, резко отвернулся и зашагал прочь, на ходу обломав роскошный пурпурный цветок, свесившийся с перголы над выложенной цветным камнем дорожкой сада. Вслед ему раздался рассерженный вопль «А-ра, а-ра» большого попугая, получившего за этот крик свое название.

Тягостные сомнения охватили Уильяма. Он сердцем чувствовал, что Кроуфорд действительно хотел позаботиться о нем, но как ему оставить человека, который рассчитывает на него? С другой стороны, Харт, как ни старался, не мог найти действительной необходимости в своем присутствии возле банкира, и это наводило его на неясные подозрения. Но, опять же, только находясь возле Абрабанеля, он имеет возможность видаться с Элейной, хотя и эти встречи не давали ему права надеяться на нечто большее. Окончательно измучив себя противоречивыми доводами, Уильям не заметил, как обошел весь сад и очутился прямо перед мраморной лестницей, ведущей в дом. Солнце село, от фонтанов потянуло сыростью, в некоторых окнах зажегся свет. Харт еще раз окинул невидящим взглядом причудливый декор губернаторского сада и направился в свою спальню.

Но, даже приготовившись ко сну, он по-настоящему не мог думать ни о чем другом, кроме как о странном разговоре с Фрэнсисом. В сердцах он отшвырнул одеяло, влез в башмаки и, накинув вест¹⁹ поверх нижней рубашки, отправился к Фрэнсису. Слуга, который принес ему свечу, сказал, что сэр Фрэнсис также лег спать. Но Харт решил все-таки разбудить

¹⁹ Вест – мужская одежда, напоминающая короткую куртку без воротника.

своего загадочного друга и потребовать объяснений. Он постучался в богато отделанную резбой дверь, затем подергал дверную ручку. Дверь неожиданно распахнулась, и глазам Харта предстала пустая смятая постель. Он шагнул внутрь, и в ту же секунду порыв ветра откинул кисейную занавеску, за которой зияло распахнутое настежь окно. Сэра Кроуфорда в спальне не оказалось.

Второй день пребывания Харта на острове прошел в изучении местных нравов, и лишь к вечеру третьего дня его начал по-настоящему волновать другой вопрос. Он опять задумался, подобно Сандрильоне из детской сказки, о том, в каком виде предстанет на балу перед девушкой, о которой мечтал теперь и день и ночь. Впору было превращать кафтан из суконного в тафтяной и грезить не то чтобы о хрустальных туфельках, но о новых башмаках точно. Посему, подобно несчастной дочери лесника, ему оставалось лишь мечтать о доброй фее, мечтать безнадежно, уповая на некую счастливую случайность, которая поможет ему преодолеть пропасть, разделяющую его и дочь богатого ростовщика. Юность хороша тем, что мечты ее сбываются гораздо чаще, чем мечты стариков.

И Фортуна улыбнулась Уильяму. Явилась эта своенравная богиня в виде одетого в ливрею черного, как сажа, негра, принесшего к нему в комнату полный парадный костюм, который вполне соответствовал и предстоящему празднеству, и положению Уильяма в обществе.

– Вас покорнейше просят принять, – произнес лакей, совершенно безбожно коверкая английские слова и улыбаясь в тридцать два безупречных зуба. – Вам помочь одеться, сэр?

– О нет, я справлюсь.

Едва сие живое воплощение удачи удалилось, Уильям вдохновенно принялся одеваться. Он отнес этот подарок на счет губернатора и в душе был несказанно благодарен этому коротышке, который, оказываясь, замечал каждую мелочь и не оставлял без внимания ни одного своего гостя. Уильям помыслил, что правитель, обладающий такой чуткостью, мог бы составить счастье своего народа, если бы распространил это прекрасное качество не только на гардероб своих подданных. Сам он в любом случае решил сегодня же высказать господину Джексону самую горячую признательность.

Никогда в жизни Уильям столько раз не переодевался в не принадлежащую ему одежду, хотя в детстве ему частенько приходилось донашивать штанишки и курточки своих старших братьев. Однако, в отличие от тех, подаренный наряд оказался ему совершенно впору. И кафтан, и верхняя рубашка из тончайшего белого полотна, и синий камзол, отделанный серебряным шитьем, и кюлоты, и даже новые туфли на щегольском каблуке – все сидело на нем так, словно было изготовлено искуснейшими мастерами после целого ряда примерок. Уильям мысленно снова пропел Gloria маленькому губернатору, не подозревая, что платье на нем смотрится столь выгодным образом еще по одной причине: он обладал прекрасным телосложением, впечатление от которого было трудно испортить какой бы то ни было одеждой.

Так или иначе, но один из неразрешимых вопросов был все-таки разрешен, и этот добрый знак обнадежил Уильяма. Облаченный в новый костюм, он принялся расхаживать по комнате, предаваясь мечтам о том, что должно произойти сегодня на балу у губернатора – первом настоящем балу в его жизни.

К восьми часам пополудни губернаторский дом и сад осветились разноцветными китайскими фонариками. У широко распахнутых ворот горели факелы, а вдоль посыпанных разноцветным песком дорожек и у широких ступеней перед ротондой были устроены необыкновенные светильники из полых огромных тыкв. Зрелище было самое фантастическое. Но еще больше поразился Уильям, когда начал съезжаться приглашенный губернатором цвет местного общества.

Двор быстро наполнялся носилками, разубранными дорогими тканями и коврами, но экипажей, Харт отметил всего два, а карет не было вовсе. Большинство мужчин явилось верхом, а дамы и девушки – в похожих на восточные паланкины портшезах, которые несли чернокожие рабы.

Среди приглашенных преобладали владельцы тростниковых плантаций, которые приехали с разодетыми по парижской моде женами и дочерьми, косо посматривающими друг на друга с ревнивым тщеславием. Оглядев наряды гостей, Уильям подумал, что хотя Британия по-прежнему является владычицей морей, но умы и вкусы ее граждан, увы, ей больше не принадлежат.

Среди приглашенных изредка попадались и чиновники с женами, и морские офицеры, которых выделяли из толпы по-особенному повязанные шарфы и характерная походка. Они-то и находились в центре всеобщего внимания, потому что считались выгодными женихами. С последним предметом на острове, судя по всему, было также не совсем благополучно, в чем Уильям скоро убедился, обнаружив, что местные богатеи почему-то производят на свет в основном дочерей. Поэтому-то плантаторши с такой надеждой и посматривали на офицеров королевского флота, которые могли составить мало-мальски приличную партию для их девиц.

Уже совсем стемнело, когда наконец все приглашенные собрались и праздник в честь прибывших из Европы важных гостей начался. Уильям спросил себя, каждый ли новый корабль встречается здесь с такой пышностью, и пришел к выводу, что они все-таки стали исключением.

Большая зала, предназначенная для танцев, была наполнена разодетой публикой. Сотни свечей горели в шандалах и жирандолях, роняя на наборный паркет капли пахучего воска. Возле них дежурили одетые в парадные ливреи чернокожие лакеи, держа в руках специальные трости для свечей. На балконе, по периметру окружавшем помещение, за роскошной балюстрадой оркестр настраивал инструменты. Музыканты в пудренных париках листали табулатуры²⁰ и грозно взмахивали смычками. Тихий гул возбужденных голосов, похожий на гудение потревоженного улья, заполнил зал.

Однако стоило появиться мажордому, как все стихло. Гости расступились, образовав круг. Величественный дворецкий, осанке которого мог бы позавидовать и король, стукнул позолоченным жезлом о паркет и объявил выход губернатора. Грянули тарелки и прогудела труба, отчего явление губернатора стало походить на оперное шествие сатрапа в окружении верных янычар. Лорд Джексон, гордо откинув голову, увенчанную взбитым, как сливки, париком «аллонж», процокал на высоченных красных каблуках мимо изумленного Уильяма и, изящно взмахнув увитой лентами тростью, объявил вечер открытым.

Глядя на семенящего с приподнятыми руками губернатора, Харт подумал, что тот весьма смахивает на стриженного под льва пуделя, которого хозяйка на потеху гостям украшает лентами и водит на задних лапах. Еще Уильяму показалось, что его сиятельство Эдуард Сэссил лорд Джексон выглядит усталым, может быть, даже не вполне здоровым. Лицо его, похожее из-за слоя пудры и румян на пасхальное яичко, осунулось, а подбородок заострился. Маленький пуделиный губернатор то и дело украдкой доставал батистовый платочек и промокивал им лоб, покрытый белилами.

Однако на самом деле губернатор Уильяма мало интересовал. Он выискивал в зале совсем другую персону, при этом не замечая тех пылающих любопытством взглядов, которые украдкой бросали на него местные девицы на выданье. Высокий стройный юноша, несомненно, дворянин, в элегантном платье, украшенном модными кружевами и серебряным шитьем, против воли привлекал к себе внимание. В нем так и хотелось видеть не просто благородного незнакомца, а наследника огромного состояния. Уильям и не подозревал, что уже попал на

²⁰ Табулатура – старинная система записи инструментальной музыки.

язычок маменькам, которые живо перемывали ему кости, выдвигая самые смелые предположения о его родне и капитале.

Но местные красавицы Уильяма ничуть не привлекали. Насколько он успел заметить за время своих продолжительных экскурсий по городу, состоятельные островитянки отличались набожностью, и страстью к нарядам и проводили жизнь в сладостном безделье. Обсудив свои наблюдения с Хансеном, он пришел к выводу, что им свойственна только одна похвальная черта – слепая любовь к своему потомству, с которой тесно связаны тщеславные мечты и хлопоты о его воспитании. Необременительный дневной труд островной леди обыкновенно начинался так: вначале церковь и проповедь местного англиканского или католического священника, затем – *grand toilette*. Утром она принимает ванну, большей частью в домашней купальне, затем следует завтрак и постепенное одевание. Нередко во время вылазок Уильям видел на террасах домов женщин, прогуливающихся с распущенными, мокрыми после купания волосами. Они предоставляли солнечным лучам высушить это естественное украшение, при этом в душе предаваясь, если Натура позволяла, удовольствию похвастаться им перед праздношатающейся публикой и друг перед другом. После двенадцати часов, как это было заведено, следовал второй завтрак, и затем все время до вечера было занято визитами, приемами и посещениями модных лавок. Как понял Харт, умственные развлечения этим леди знакомы не были. Из всех книг они, пожалуй, держали в руках только тисненные золотом молитвенники да чудом дошедшие на этот край света французские модные журналы, к которым пристрастила их губернаторша. Посему после нескольких минут беседы с ними становилось ясно, что эти нежные, полные любезности создания столь невежественны, что ничего подобного не сыщешь ни в одном высшем обществе на всем земном шаре. Самое большее, если сии прелестные грации знают, что существуют Англия, Лондон и Сити, которые известны им из разговоров мужчин. Париж в их представлении – некое царство портных и помады, откуда к ним попадают чудесные безделушки, шелковые платья и лавандовая вода. Остальной же мир со всем, что в нем происходит, был скрыт от барабадосских дев непроницаемой пеленой.

Итак, не обращая никакого внимания на множество представленных на этом празднике юных прелестниц, Уильям искал Элейну и нигде ее не находил. Вроде бы все были в зале – и Давид Абрабанель в темно-красном кафтане, чрезвычайно скромном для бала, и его поверенный Хансен, наоборот разодевшийся по случаю бала в пух и прах, и даже капитан Ивлин, чья рослая фигура, облаченная в оливковый, отделанный золотыми пуговицами кафтан, бросалась в глаза издали, оказывается, был здесь. Не было только Элейны. Уильям с нарастающей тревогой озирался по сторонам, пытаясь разглядеть среди изящных женских фигур ту, которой было отдано его сердце. От увитых атласными лентами высоких причесок, затянутых в корсеты талий, огромных фижм, сверкающих золотом и бриллиантами шелковых юбок у него рябило в глазах, а в носу щекотало от резких ароматов фиалковой воды, пачулей и розового масла.

Пока Уильям в беспокойстве бродил по залу и яростно вздыхал, мажордом объявил первый танец – им оказался, конечно же, менуэт. Грянул оркестр, игравший на удивление слаженно, и зазвучала волнующая музыка, во время которой танцующие занимали свои места. На девятом такте первая пара обменялась глубокими реверансами, и церемонный танец начался. Уильям, не успевший найти себе пару, очутился в дальнем углу залы, зажатый с обеих сторон двумя пузатыми джентльменами в темно-синих кафтанах с золотыми позументами. Они были похожи как две капли воды, фамильярно хлопали друг друга по плечам и говорили исключительно об урожае тростника и гвоздичного перца, о ценах на сахар в будущем году и о том, как лучше хранить созревшие стручки капсикумов для продажи.

Уильям, несмотря на то что готовился стать негоциантом, отчаянно заскучал, выбрался из своего душного плена и попытался пробраться поближе к банкиру, чтобы выяснить судьбу девушки, а также при возможности отблагодарить губернатора за присланный костюм.

Банкира он нигде не увидел, потому что тот уже куда-то исчез. Вместе с ним испарился и губернатор. Уильям еще не успел расстроиться из-за новой неудачи, как застыл на месте, зачарованный увиденным.

Всего в каких-нибудь трех ярдах от него танцевали. Прямо перед Уильямом джентльмен в летах и роскошной перевязи держал за руку супругу губернатора, раззолоченную, как церковный колокол. Вслед за ними выступала изящнейшая пара: она – в великолепном, цвета лаванды, платье с высоким фонтанжем, украшенным лентами; и он – в кафтане и кюлотах цвета запекшейся крови и в черном, расшитом серебром камзоле. Голову мужчины украшал великолепный темный парик, придавая его облику еще большую дерзость и courage²¹.

Танцующие переходили к третьей фигуре. Девушка, не отрывая взгляда от лица партнера, присела в низком реверансе, отчего в глубоком вырезе лифа маняще сверкнула бриллиантовая вставка, а мужчина, сняв треугольную шляпу, в ответ склонился в глубоком поклоне, почти касаясь паркета длинными завитыми локонами.

Уильяма бросило в жар: он вдруг осознал, что видит перед собой Элейну. Элейну, одетую по последней французской моде, украшенную бриллиантами, напудренную, возбужденную танцем и потому незнакомую. Вся ее фигура выражала грациозное кокетство и призыв, легкую полуулыбку, игравшую на полуоткрытых губах, умело оттеняла мушка, приклеенная почти у самого рта, а глаза, ее вечно полуопущенные глаза светились совсем незнакомым Харту огнем.

Элейна его не замечала. Она не отрывала глаз от партнера. Кажется, они даже обменивались во время танца какими-то только им понятными знаками. Сердце Уильяма болезненно сжалось. Худшее, чего он так боялся, все-таки случилось. Он узнал мужчину в кровавом платье.

Конечно, это был Кроуфорд. Кто еще с такой воистину французской элегантностью мог сделать поклон или подать руку даме, кто еще, презрев моду, мог нарядиться в костюм столь вызывающего цвета, кто еще мог вызвать на губах женщины, девушки, черт возьми, такую улыбку?

Уильям застонал, непроизвольно потянувшись к шпаге. Но шпаги на балу были запрещены этикетом. Уильям стиснул зубы, не в силах оторвать от них взгляда. С мрачным видом, скрестив на груди руки, он остановился у стены и принялся угрюмо смотреть на танцующих. Среди пар он вдруг заметил еще одну. Улыбающийся, беззаботный Хансен протягивал руку миниатюрной брюнетке в платье из розового газа, украшенном виноградными гроздьями из серебряной нити. Брюнетка, которая, видимо, истосковалась по мужскому вниманию, смотрела на Хансена с обожанием. Уильям искренне за него порадовался. Ему подумалось, что если бы на него так смотрела женщина, то он был бы счастливейшим из смертных.

Но как уже говорилось, половина юных особ в зале именно так и посматривала на Уильяма, и кабы он дал себе труд быть чуть-чуть повнимательнее, то совершил бы немало удивительных открытий. Однако им завладела одна-единственная мысль – мысль о счастливом сопернике.

Близился финал. Танцующие уже двигались по кругу, возвращаясь к своему первоначальному положению. Кроуфорд, улыбаясь, вел Элейну, та отвечала ему взглядом и сияющей улыбкой. Ручка ее покоилась в руке Фрэнсиса, и Уильям просто физически ощущал, как тот слегка пожимает ее.

«Черт, черт, черт», – только и мог шептать Уильям, обрывая ни в чем не повинные кружева на манжетах.

Прозвучал финальный аккорд. Но Кроуфорд, вместо того чтобы отвести Элейну на ее место, увлек девушку в сад. Не помня себя от гнева и ревности, Уильям бросился следом.

²¹ Courage (*фр.*) – мужество, храбрость. Отсюда – кураж, куражиться.

Но двери находились на противоположном конце залы и, пока Уильям, толкая окружающих и рассыпая извинения, добрался до выхода, их уже нигде не было.

Освещенный фонарями сад предстал пред ним во всей таинственной красе. Одурающе пахло цветами, журчание фонтанов перекрывало шум, доносившийся из залы, оглушительно стрекотали цикады, кричали какие-то ночные птицы. Поняв, что потерял их, Уильям в отчаянии прислонился к какой-то статуе и задумался. Больше всего сейчас он хотел оскорбить Кроуфорда, вызвать его на дуэль, унижить так, как тот только что унижил его.

Неожиданно до него донесся приглушенный смех и звук поцелуя. Кровь бросилась ему в голову, и он с яростью тигра ринулся в увитую цветами беседку, оказавшуюся прямо у него за спиной. В темноте он успел заметить, как мужчина, обняв за талию девушку в светлом платье, склоняется к ее губам.

– Остановитесь! – в бешенстве закричал он.

Девушка, вскрикнув, отпрянула, а мужчина сделал шаг вперед, потянувшись к бедру, на котором, кстати сказать, тоже ничего не висело.

При этом движении неровный свет упал на его лицо, и, холодея от ужаса, Харт обнаружил, что видит этого человека в первый раз.

– Что вам угодно, сударь? – надменно спросил незнакомец.

– Харт, что вы здесь делаете? – весело поинтересовались сзади.

– О, сэр Уильям, а я вас искала, – нежно прозвучало сбоку.

– Так что вам угодно? – с угрозой нетерпеливо повторил незнакомец.

– Тысяча извинений, мой друг обознался, – услышал Харт знакомые интонации.

– О, простите его, – умоляюще проговорил женский голос сквозь смех.

Харт побледнел и закусил губу.

Незнакомец, оглядев Харта и стоявшую рядом с ним парочку, рассмеялся и вернулся в беседку.

Тяжелая рука похлопала Уильяма по плечу и развернула на девяносто градусов.

Другая ручка, невесомая и легкая, взяла его за локоть, и Харт оказался лицом к лицу с улыбающейся Элейной.

Харт хотел было потребовать объяснений у Кроуфорда, но тот уже испарился, оставив Уильяма наедине с предметом его воздыханий.

– Я чувствую себя последним идиотом, – произнес Харт и поднес руку Элейны к своим губам.

«Дьявол, будем как Фрэнсис», – подумал он про себя и улыбнулся девушке.

– Из-за вас я потерял голову, мисс Элейна. Когда вы танцевали с Кроуфордом, мое сердце разрывалось.

– Не преувеличивайте, Уильям, – мягко ответила девушка, не отнимая руки от губ Харта.

Харт еще раз с горячностью прижал маленькую белую ручку к губам. При этом сам он был как во сне и не вполне отдавал себе отчет в своих действиях.

Не выпуская ее руки, он увлек девушку за собой, в глубину сада.

– Уильям, уж не вздумали ли вы похитить меня и заточить в какой-нибудь из этих пещер? – спросила Элейна, снизу вверх заглядывая в лицо Харту. Луна светила прямо на нее, отчего голубоватые тени придавали ее глазам таинственное очарование.

– Если бы я был уверен в ваших чувствах так же, как уверен в своих, я похитил бы вас. Но я не был бы так жесток, Элейна. Я сделал бы для вас все, только бы вы были счастливы, только бы вы улыбнулись мне так, как сегодня улыбались Кроуфорду.

– Какой вы глупый, Уильям. Разве я не с вами здесь? Разве те улыбки, которые я дарю вам чуть ли не с первого дня нашей встречи, для вас не годятся?

– Но вы танцевали с ним...

– Так захотел мой отец, а вас не было рядом. Тем более я заметила, как вы смотрели на ту хорошенькую брюнетку, с которой танцевал Хансен.

– Какая чепуха! Я думал о том, что отдал бы полжизни в обмен на то, чтобы вы подарили мне один взгляд, подобный тому, который эта женщина адресовала Якобу.

Харт говорил и не узнавал сам себя. «Будь что будет», – решил он и, собравшись с духом, нежно взял Элейну за плечи, ощутив их тепло сквозь тонкую шелковую ткань.

– Я люблю вас, Элейна, – тихо произнес он.

В ответ она опустила глаза, но не пыталась высвободиться.

– Я полюбил вас с самого первого взгляда, еще там, в Плимуте, когда увидел. Я помню каждый ваш жест, каждое слово. Я помню все ваши платья, я могу сосчитать, сколько раз вы улыбнулись мне и сколько раз посмотрели на меня. Элейна, вы можете подарить мне несказанное блаженство и можете низвергнуть в ад неразделенной любви.

Она молчала, бледная в свете луны, только драгоценные камни искрились на ее груди, казавшейся мраморной в обманном призрачном свете.

Тогда Харт, призвав на помощь Провидение, дьявола и еще бог знает кого, наклонился к ней и коснулся губами ее губ, ощутив ее дыхание.

В ту же секунду неподалеку раздался громкий смех. Молодые люди испуганно отпрянули друг от друга. Из-за зарослей померозы на подстриженную лужайку вышел Кроуфорд, галантно держа под руку жену губернатора.

– Вы не представляете себе, как я был удивлен, когда сэр Сэссил не моргнув глазом познакомился со мной второй раз. Вот они, государственные дела, подумал я. Разве просто узнать человека, которого ты видишь в кафтане и парике у себя в кабинете, увидев его в буквальном смысле в платье с чужого плеча и, простите, с немытой головой? Но вы бы узнали меня сразу, леди Джексон. Ведь вы, признайтесь, именно вы, подобно богине мудрости Афине, вдохновляете вашего супруга в его неустанных попечениях о колонии, не так ли? Наверняка вам прекрасно известно все о каждом из ваших подданных, как не укрылась от вас и цель столь неожиданного визита господина Абрабанеля. Ну разве я не прав, ответьте мне, умнейшая и прекраснейшая из женщин?

В ответ губернаторша томно рассмеялась. Кроуфорд склонился над ее рукой, одарив ее звонким поцелуем чуть повыше запястья.

Губернаторша кокетливо шлепнула его веером по плечу и тут только заметила растерянную парочку.

– О, сэр Фрэнсис, – разочарованно воскликнула она, – мы здесь не одни.

Сэр Фрэнсис шагнул вперед, смело топчя рабатку с оранжевыми тагетесами.

– Ба, да это вы, мой добрый друг! – с деланным удивлением вскричал он, изящно хлопнув себя по лбу, как будто эта встреча несказанно его поразила.

– Я убью вас, Фрэнсис, – тихо и убежденно сказал Уильям.

– Простите, мне надо найти батюшку, – прошептала Элейна и, высвободив руку из ладони Уильяма, бросилась к дому.

– Не убивайте меня, о прекрасный юноша, я вам еще пригожусь, – жалобно пробормотал Кроуфорд и рассмеялся. В этот миг луна осветила своим бледным пламенем его лицо, выхватив из мрака орлиный профиль и сумасшедший глаз.

– Идите к черту, Кроуфорд, – устало вздохнул Уильям и зашагал прочь.

– Я возвращаюсь к вам, прекрасная нимфа, – услышал он за спиной медоточивый голос.

Уильям шел по саду, не разбирая дороги, и перебирал в памяти драгоценные мгновения, все еще ощущая в своих руках ее маленькую ладошку, а на своих губах – ее дыхание. О, он никогда не забудет эти мгновения. Он уверен, Элейна любит его!

Словно в ответ на его мысли, небо с треском лопнуло и рассыпалось на тысячу огней. Ветерок принес с собой запах пороха и горелой бумаги. Начался долгожданный фейерверк.

В то же самое время на втором этаже губернаторского дома, а именно в кабинете, продолжались нелегкие переговоры Давида Малатесты Абрабанеля с его сиятельством Эдуардом Сэссиллом Джексонном. Переговоры эти шли второй день и чуть не довели их обоих до нервной горячки.

Особенно скверно чувствовал себя губернатор. Абрабанель, подобно свирепому Борею, задул розы на его щечках, помешав его сиятельству насладиться танцами.

А все дело было в том, что уже в течение нескольких лет господин губернатор позволял себе неоправданные вольности по отношению к той самой Вест-Индской компании, интересы которой представлял Абрабанель. Месяц за месяцем корабли, принадлежавшие компании, доставляли из колоний в Европу сахар, табак, пряности, серебро и золото, а взамен везли оружие, вино, рабов, предметы роскоши и утварь. Поскольку все это происходило под непосредственным контролем губернатора, он находил возможным придерживать некоторые суммы, полученные от многочисленных сделок, в свою пользу. Он не имел в виду ничего плохого, просто приличествующий губернатору образ жизни требовал значительных средств, которых всегда не хватало. Поначалу он уверял себя, что возвратит позаимствованные деньги, как только его собственные дела пойдут в гору. Однако постепенно он входил во вкус, оседавшие в его карманах капиталы росли, а претензий к нему никто не предъявлял. В один прекрасный день он осознал, что сделанного уже не поправишь и те деньги, которые он присвоил, с некоторых пор составляют такую колоссальную сумму, что собрать ее он будет не в состоянии, даже если продаст дьяволу свою безропотную душу. А корабли приходили и уходили по-прежнему и по-прежнему никто не беспокоил его. Немного успокоившись, Джексон решил, что, возможно, из такой дали, в какой находилась от него Европа, его грехи если и видятся, то кажутся настолько мелкими и незначительными, что и говорить не о чем.

Как это ни удивительно, но, присваивая чужие деньги, люди, подобные губернатору, глубоко убеждены в том, что присваивают их по праву, ведь, как им кажется, было бы сущей несправедливостью лишить себя тех благ, которые просто созданы для того, чтобы ими наслаждаться. Мысль о том, что не все желания в этом мире необходимо немедленно удовлетворять, просто не приходит им в голову, а неминуемая кара кажется им чем-то необязательным и путяковым. Грех этот, еще простительный для юноши в семнадцать лет, как ни странно, чаще всего поражает именно зрелых мужчин, которые на пороге сорокалетия вдруг решают наверстать упущенные годы.

И вот, как и следовало ожидать, в самый неподходящий момент порог его дома переступил человек, который только и говорит, что об этих проклятых деньгах. Более того, он не только говорил, но и показывал Джексону бумаги, контракты, выписки из расчетных книг. Он был вежлив, но настойчив и даже в своей настойчивости безжалостен, как какой-нибудь маклер ордена святого Доминика, не к ночи будь помянутого, и да пребудет с ним благословение Господне.

Поначалу Джексон вспылил и наговорил Абрабанелю дерзостей, но тот был терпелив. К тому же при нем неотлучно находились двое помощников, крепких мужчин, один из которых носил шпагу и был подданным Его Величества. По его виду было совершенно ясно, что он готов выполнить любой приказ своего патрона. Тут Джексон вовремя сообразил, что история на одном Абрабанеле не заканчивается. Он прибыл на остров со своей свитой, как полномочный представитель Британского казначейства, которое как раз передало свои кредитные векселя Вест-Индской компании, чтобы та сама взыскала долги с нерадивых заимщиков, и, значит, нужно договариваться, пытаясь избежать крупных неприятностей.

Как раз к началу бала был достигнут некоторый компромисс. Стороны взяли, как говорят в залах для фехтования, тайм-аут (как раз в эту непродолжительную паузу и видел губернатора Уильям), а затем снова удалились в кабинет – на этот раз уже без свидетелей, чтобы продолжить деловую беседу.

Вечерней порой кабинет Джексона выглядел мрачно. Обитый тонким шелком синего цвета и обставленный массивной резной мебелью, он производил гнетущее впечатление. Восковые свечи в бронзовых канделябрах не могли рассеять темноты, притаившейся в углах большой малообжитой комнаты. Создавалось впечатление, что губернатор весьма неохотно проводил в ней время. Вдоль стен в громоздких шкафах томились книги в тисненых кожаных переплетах. Тут были ни разу не открытые своды английских законов «in plano», неизвестно как попавшие сюда творения отцов церкви на латыни in folio и маленькие изящные томики фривольных романов in diodesimo, до которых Джексон был прежде большой охотник.

Губернатор и банкир уселись в старинные дубовые кресла, такие громоздкие и неудобные, что они напоминали епископские кафедры, и посмотрели друг на друга с плохо скрываемой ненавистью. Милорд был взволнован и без надобности то и дело теребил свои кружевные манжеты, кусал губы и хмурился. Ростовщик, наоборот, выглядел абсолютно спокойным и даже удовлетворенным, хотя долгие препирательства вымотали и его. Однако он чувствовал, что противник его уже готов сдаться на милость победителя, и намеревался воспользоваться своим преимуществом. Однако начинать разговор он не торопился. Обменявшись взглядами с губернатором, Абрабанель неторопливо раскрыл принесенную с собой шкатулку и опять принялся перебирать бумаги, время от времени многозначительно похмыкивая. Сэр Джексон наконец потерял терпение и почти умоляюще воскликнул:

– Однако же давайте окончим наш разговор, уважаемый Малатеста! Я к вашим услугам и внимательно вас слушаю!

Банкир немного покашлял, а потом в упор взглянул на Джексона холодными бесстрастными глазами, в глубине которых плескалась некая толика иронии.

– Итак, сэр, надеюсь, мне удалось убедить вас в том, что коммерческая сторона вашей деятельности на острове не обошлась, так сказать, без злоупотреблений?

– Допустим, допустим! – раздраженно сказал Джексон. – Сколько можно повторять одно и то же? Нужно приходить к какому-то решению, а не толочь воду в ступе!

– Просто поначалу, милорд, вы пытались мне возражать, – спокойно заметил Абрабанель, – и мне показалось, что ваше сиятельство не совсем понимает размеры того несчастья, которое...

– Ну хорошо, хорошо! – махнул ладошкой губернатор. – Вы меня убедили. Да, у меня тут образовались кое-какие долги...

– По грубым подсчетам, – перебил его банкир, – вы задолжали нашей компании не менее трехсот тысяч фунтов.

Лицо Джексона вспыхнуло. Он сверкнул глазами и стиснул подлокотники кресла.

– Триста тысяч! – воскликнул он. – Не может быть, чтобы так много!

– Это лишь приблизительные подсчеты, – мягко пояснил Малатеста. – При более тщательном расследовании, боюсь, может вскрыться кое-что еще...

Сэр Джексон выглядел так, словно эти деньги застряли у него в глотке. Он смотрел на Абрабанеля с таким выражением лица, будто опасался, что банкир в следующую минуту вытащит из своей шкатулки заряженный мушкет и выстрелит ему прямо в сердце. Однако ничего подобного не произошло. Абрабанель, наоборот, шкатулку закрыл и положил унизанные перстнями руки перед собой на стол.

– Ну-у, я обязательно что-нибудь придумаю, – неуверенно начал губернатор. – Я соберу эти деньги. Просто мне нужно время.

– Боюсь, что у вас нет времени, – покачал головой банкир. – У вас, милорд, есть только два выхода.

– Какие? Что вы имеете в виду? – переспросил Джексон, подавшись вперед.

– Во-первых, мы можем возбудить от имени наших пайщиков иск против вас, – предложил Малатеста. – Учитывая, что в наши предприятия вкладывали деньги очень влиятельные

лица, боюсь, исход такого иска будет для вас крайне неутешителен. Полагаю, что заключение в крепость, которое оказалось столь губительно для попавшего в подобное положение господина Фуке, вас не вдохновляет?

– А второй выход? – хмурясь, спросил сэр Джексон.

– У меня есть некоторые идеи, – ответил Малатеста. – Порядочные люди всегда могут договориться. Просто в таких случаях необходимо полное доверие, понимаете меня?

– Признаться, пока не совсем, – нервно заметил лорд Джексон.

– Все очень просто, – объяснил господин Абрабанель. – Я должен составить докладную записку на имя Совета. В ней будут реальные цифры. Но вы полностью рассчитаетесь с компанией.

– Каким образом? – облизывая пересохшие губы, спросил губернатор.

Малатеста оглянулся на запертую дверь, посмотрел на Джексона и негромко сказал:

– Вы готовы довериться мне, ваше сиятельство? Вы ведь не собираетесь совершить еще одну ошибку?

– Да-да! Я готов на все! – вскричал Джексон. – Не тяните же, излагайте ваш план!

Пока Абрабанель и губернатор занимались делами, празднество шло своим чередом, и веселье было в самом разгаре. Островитяне, обрадованные нечаянным развлечением, старались не упустить ни малейшей возможности из числа тех, которые выпадают на подобных празднествах. Лишь немногие удивлялись тому обстоятельству, что самого губернатора не было видно ни на танцах, ни в саду, ни за ужином, но, сказать по чести, это обстоятельство не сильно повлияло на их настроение.

Уильяма, как и губернатора, также не волновали ни танцы, ни ужин. Погруженный в сладостные грезы, Уильям не заметил, как удалился на довольно значительное расстояние от дома губернатора. По бездумной прихоти он не направился в сторону города, а взял правее и по извилистой пологой тропе двинулся через пустошь, густо поросшую бамбуком и высокими, увешанными лианами деревьями. Вскоре резиденция губернатора осталась далеко за его спиной. Луна стояла прямо над ним, заливая простиравшуюся впереди долину ярким голубоватым светом. Кругом стрекотали цикады и еще какие-то насекомые, в зарослях что-то шуршало и потрескивало, то и дело какие-то ночные птицы или летучие мыши пролетали прямо над его головой. Уильям невольно остановился. Откуда-то потянуло затхлой сыростью, и он понял, что где-то поблизости от него находится болото или какой-то водоем. Ему стало жутковато, и он зябко передернул плечами, пожалев о том, что сейчас при нем нет никакого оружия.

Прислушавшись, он вдруг осознал, что уже давно слышит какой-то непонятный ритмичный гул, похожий то ли на стук дождя по глиняной черепице, то ли на грохот множества телег, следующих по мостовой. Гул этот шел из-за плотной стены чернеющих впереди зарослей агавы, таких же, какими был покрыт склон холма. Страсть к приключениям победила, и Харт, осторожно ступая по еле приметной тропинке, пошел на звук. Не прошел он и полусотни ярдов, как почувствовал запах дыма и увидел пробивающийся сквозь листву свет. Близость тайны заставила сердце Уильяма забиться быстрее. Охваченный любопытством, он пошел вниз по тропе, держа курс на неровно мерцающие огоньки.

Луна теперь светила ему в лицо, и, может быть, от этого неровный звук действовал на его нервы еще сильнее. Гул усилился и вдруг рассыпался на яростный дробный перестук отдельных барабанов. Казалось, он идет со всех сторон, подступает спереди и окружает сзади. Харт вспомнил рассказы о черных африканских колдунах, которых много в здешних колониях, и у него мороз пробежал по спине, впрочем, он скорее бы умер, чем повернул назад. Ведь именно ради таких приключений он и отправился в Новый Свет! Он должен увидеть все своими глазами.

Неожиданно он вышел к невысокой изгороди, сплетенной из сухих стеблей тростника. За ней простирались плантации табака – огромные, залитые лунным серебром квадраты, перерезанные вдоль и поперек утоптаннкими дорожками. В воздухе над самой его головой бесшумно проскользнула какая-то тварь, обдав Уильяма волной теплого воздуха. Кто это был – птица, летучая мышь? Барабаны стучали уже где-то совсем рядом. Нужно было только пересечь поле.

Уильям не колебался. Он только еще раз пожалел, что впопыхах не захватил с собой шпагу: все-таки разгуливать ночью по незнакомому острову, где полно беглых каторжников, рабов и индейцев, было не вполне безопасно.

Чтобы придать себе уверенности, он подобрал с земли длинную крепкую палку. Используя ее как трость, он двинулся дальше.

В зарослях табака, побеги которого возвышались вокруг Уильяма, было невыносимо душно, какие-то насекомые с противным шелканьем сыпались за шиворот и кусали руки. Гром барабанов отдавался в груди тревожным эхом.

Уильям упрямо шел вперед, помахивая дубинкой. Он был готов встретить любую опасность лицом к лицу, как и полагается мужчине. Правда, человеку его происхождения не полагалось идти в бой с дубинкой, как какому-нибудь простолюдину. Однако обстоятельства, в которых он находился, были совершенно необычными и свидетелей рядом не было. Мысль об этом почему-то слегка сместила Уильяма. Он испытывал тревогу, пробираясь через пронизанные лунным светом заросли, но на лице его бродила рассеянная усмешка. Он представлял себе, что сейчас могли бы сказать в его адрес братья, которые оба были офицерами и в совершенстве владели военным ремеслом. Немало бы они повеселились, увидев сейчас Уильяма, бесстрашно идущего в разведку с огромной палкой в руках!

Неожиданно плантация кончилась. Уильям вышел на открытое место и остановился как вкопанный. Грохот барабанов был здесь почти нестерпимым. Совсем рядом, за неглубоким овражом, поросшим по обе стороны колючей агавой, разыгрывалось чрезвычайно странное действо.

Уильям увидел большую толпу негров, обступивших кольцом утоптанную площадку, в центре которой горел огромный костер, испускающий желтоватые клубы вонючего дыма. У многих в руках были горящие ветки свечного дерева, осыпавшие окружающих снопами искр. Самих барабанов и тех, кто издавал эти чудовищные звуки, Уильям не мог разглядеть за спинами чернокожих рабов. Сквозь барабанный бой Харт слышал еще отвратительные вопли, то и дело прерывавшие заунывное пение под мерное хлопанье в ладоши десятков пар рук. Дикари пританцовывали в такт этой адской музыке и потрясали какими-то палками с пучками сухой травы на концах. Уильям крепче сжал палку и осторожно подкрался еще ближе, не в силах оторвать глаз от такого необыкновенного зрелища.

Наконец барабаны стали бить тише и медленнее, и на середину вышел огромный негр, весь разрисованный белыми пятнами и разводами. На голову и плечи его была наброшена шкура ягуара, передние лапы которой оканчивались огромными железными когтями. Следом выступили еще два жреца. Они держали под локти какого-то связанного по рукам и ногам человека, сплошь разрисованного разноцветной глиной. В неровном свете пламени Харт даже не мог определить, к какой расе принадлежит несчастный.

Главный жрец или колдун, Харт не очень в этом разбирался, затянул низким голосом какой-то гимн. Постепенно голос его поднялся почти до крика, и по толпе пробежала какая-то дрожь. Внезапно главный жрец резко взмахнул рукой, сверкнули железные когти, и из распоротой груди жертвы хлынула кровь, которую он принялся собирать в глиняный горшок. Голова и туловище жертвы задергались, она захрипела, но два жреца не давали ей сдвинуться с места, пока колдун не закончит собирать кровь.

Оцепенев от ужаса, Харт, почти терял сознание, не в силах ни отвернуться, ни закрыть глаза.

Барабаны били мерно, не умолкая, в каком-то жестком сатанинском ритме. Отточенным жестом колдун вырвал сердце из груди истекшего кровью человека и с ликующим воплем поднял его вверх. Жрецы швырнули бездыханное тело на землю и, взяв в руки горшок с кровью, по очереди глотнули из него, а затем передали его остальным. Негры стали друг за другом прикладываться к нему, и, по мере того как они поглощали напиток, ритм барабана становился все быстрее.

Неожиданно откуда-то из зарослей раздалось захлебывающееся злобой ворчание какого-то хищного зверя. Харт дернулся и, оступившись, чуть не упал, еле успев схватиться за какую-то лиану. Ворчание превратилось в громкий рык, который, казалось, несся со всех сторон. Именно этот звук заставляет терять рассудок бедных дикарей и ночующих под открытым небом путешественников; слыша его, они от ужаса порой бросаются прямо в пасть хищника.

В ответ на рык жрец испустил душераздирающий вопль, переходящий в кашляющее подвывание. В ужасе Харт увидел, как из-за спины жреца прямо на границе света и тьмы вдруг отчетливо проявилась чья-то непроницаемая тень. Уильям даже вздрогнуть не успел, как из мрака на принимающих участие в жертвоприношении вылутился чудовищный ягуар. Бешено мотая хвостом, он прыгнул на середину поляны и лязгнул зубами. Еще два зверя внезапно оказались позади брошенной на землю жертвы. Их пятнистые шкуры в свете костра казались красными, от тяжелого дыхания выступали на лоснящихся боках ребра, а в яростных желтых глазах пламенели багровые сполохи. Тихо рыча, твари медленно прошли через утоптанную площадку и скрылись во мраке. Уильям готов был поклясться, что в пасти одного из них торчала окровавленная человеческая рука.

Колдун торжествующе завопил и пустился в пляс, по-прежнему сжимая в поднятой руке сердце несчастного. Безумные прыжки и кружение все ускорялись, и вот колдун завел песню, похожую на заклинание. В ответ толпа дружно принялась подвывать, и юноша мог отчетливо различать вопли женщин и хрипение мужчин.

Вскоре в круг начали выскакивать другие негры. Они рычали, выли, визжали и бросались друг на друга, пока в конце концов не опустились на четвереньки и не стали обнюхивать друг друга, как собаки. Тогда что-то черное огромным мячом влетело в их круг, и Харт увидел тень, очертаниями схожую с ягуаром. Призрак метался между танцующими, как будто купаясь в извивающейся плоти, но никто, казалось, не замечал его. Внезапно жрец схватил стоящую на четвереньках какую-то женщину и полез на нее...

В ту же секунду что-то твердое с силой ударило Уильяма по затылку, и он без чувств рухнул на землю.

Еще через несколько минут молнии прорезали небо, луна скрылась за клубящимися тучами и ливень хлынул на землю, смывая следы страшного пиршества и превращая недавние лужайки в болота.

Глава 5

Лед и пламень

Франция, Версаль. Атлантический океан

В апреле 1682 года, за несколько месяцев до описываемых событий, «король-солнце» Людовик XIV превратил в столицу Франции Версаль, перенеся в него официальную резиденцию двора, несмотря на то что Южное крыло было едва закончено, а строительство Северного пока даже не начиналось. Пусть еще ведутся работы в конюшнях, только приступили к закладке главных служб, а Зеркальная галерея полна пыли и загромождена лесами. Людовик не любит Лувр, обветшавший к тому времени и слишком тесный для него, устал он и от Сен-Жермена-о-Лэ, и от Тюильри – все эти дворцы кажутся ему недостойными ни его персоны, ни его представлений о величии монархии и Франции.

К этому времени Версаль представлял собой уже целый город, в котором, соревнуясь друг с другом за близость к дворцовому ансамблю, обитали вельможи и сановники, фаворитки и придворные, прислуга и ремесленники. Население этого странного города, жители которого воевали между собой за место подле Короля-Солнца, доходило уже до тридцати тысяч человек, из которых две тысячи обслуживали дворец и лично Его Величество.

Если же взглянуть на Версаль с высоты птичьего полета, становилось ясно, что он являл собой материальное воплощение главной идеи царствования Людовика – божественности монарха, который венчает собой пирамиду людского общества, как бы животворя и создавая его своей властью и неограниченным могуществом. Версаль – место явления королевской славы, как Фавор – гора славы Господней. Говорят, что все дороги ведут в Рим, но Людовик решил, что Франция станет исключением из этого правила. Все дороги в ней поведут к Королю. Отсюда и план трех шоссе, в виде лучей трезубца расходящихся от центрального дворца. Они должны были соединить Версаль с главными центрами политической и светской жизни Франции, напоминая дворянам и простолюдинам, что жизнь и счастье исходят отныне из нового Олимпа.

Трехкилометровый парк, куда выходили арочные окна Зеркальной галереи, благодаря умело выстриженной зелени деревьев и кустарников создавал впечатление бесконечного пространства, в котором взгляд свободно скользит к горизонту по безупречным плоскостям водной глади, травяного ковра и усыпанных цветным песком дорожек. Теряющиеся в дали ряды статуй вызвали ощущение бескрайности, словно играя с главной мечтой короля о простирающейся от моря до моря Франции, чьими границами должны были стать только препоны самой Природы, но не жалкие претензии соседних государств.

Верховный сюзерен Франции хорошо знал цену своей резиденции и собственноручно составил руководство для ее гостей. Король советовал, выходя из дворца на Мраморный двор и террасу, задержаться не верхних ступенях лестницы, окинуть взглядом партер, бассейны и фонтаны, потом двигаться к окруженной радужными брызгами мраморной Латоне, полюбоваться статуями, пройти Королевской аллеей к фонтану Апполона и каналу, обязательно оглянувшись оттуда назад на дворец.

Ныне вряд ли удастся вообразить себе зрелище, которое представляло собой это восьмое чудо света во времена королей. Времена, когда в зеленых версальских театрах, украшенных цветочными гирляндами и апельсиновыми деревьями в золотых кадках, в пламени фейерверков и громе оркестров разносились дивные трели оперных певцов, по аллеям торжественно двигались пышные кортежи разодетых придворных во главе с самим королем, предстающим перед восхищенными взорами в виде то Марса, то Апполона, а вслед за ними ехали убран-

ные букетами и драгоценными тканями колесницы с актерами, изображающими знаки Зодиака, рыцарей и богов, нимф и богинь... Времена, когда в тенистых аллеях дрались на шпагах и целовались, играли в серсо и мяч, плакали и смеялись, блистали остроумием и потрясали ничтожеством, декламировали стихи и играли на флейтах, интриговали и шпионили, любили и умирали... Ныне парк застыл, как будто жизнь навсегда покинула его и никогда больше во Франции не наступят столь блистательные времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.